9C13
E-544

II А 112 с.к.

№2693 хр-к.

127493

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтения.
Не загибайте углов
Не делайте надписей на книге.
Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу.
Завертывайте книгу в бумагу.

II А/112 а.к.
№ 2693 р.к.
9С13
Е 544
9С13
Е544
Областная Центр. Библ-ка
№ инв. 6155
Крым. Наробр. Симферополь
Фундаментальная Библиотека
1939 г.
1933 г.
127493
9(47)
254/1
Областная библиотека
Читальня № инв
НКП Симферополь
6485

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ

и

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО

МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА РОМАНОВА

(21 февраля 1613 года).

Сборникъ стихотвореній и историческихъ пѣсенъ.

для учащихся составилъ

К. В. Елпатьевскій.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1911.

4278

Заглавія стихотвореній и пѣсенъ.

	стр.
Смутное время на Руси.—Изъ сочиненія Платона Павлова «Тысячелѣтіе Россіи»	1
Стихотворенія.—Навроцкаго, Жуковскаго, Коринфскаго	7
Убіеніе царевича Димитрія.—Двѣ историческія пѣсни.	9
Келья въ Чудовомъ монастырѣ.—Изъ драмы «Борисъ Годуновъ».—Пушкина	10
Чудо отъ мощей царевича Дмитрія.—Изъ драмы «Борисъ Годуновъ».—Пушкина	16
Царь Борисъ.—Навроцкаго	17
Заточеніе Маѳы Ивановны Романовой.—Глинки	19
Монологъ инокини Маѳы.—Изъ «Драматической Трилогіи».—А. Толстого	24
Царица Марья.—Навроцкаго.	26
Монологи Бориса Годунова.—Изъ драмы «Борисъ Годуновъ».—Пушкина и изъ «Драматической Трилогіи».—А. Толстого	30
Смерть Бориса Годунова.—Изъ драмы «Борисъ Годуновъ»—Пушкина.	35
Монологъ Лжедимитрія I.—Изъ драматической хроники «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».—Островскаго.	37
Димитрій Самозванецъ.—Изъ трагедіи Хомякова.	40
Монологъ Василія Шуйскаго.—Изъ драматической хроники «Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».—Островскаго.	46
Гибель Лжедимитрія I.—Изъ поэмы «Марина Мнишекъ».—Львовой	48
Григорій Отрепьевъ.—Историческая пѣсня.	50
Гришка Отрепьевъ и Марина.—Народная былина.	51
Царевна Ксенія Годунова.—Навроцкаго	55
Царевна Ксенія Годунова.—Изъ поэмы «Марина Мнишекъ».—Львовой.	57
Плачъ Ксеніи Годуновой.—Историческая пѣсня.	60
Появленіе второго самозванца.—Изъ поэмы «Марина Мнишекъ».—Львовой	61
Тушинскій воръ.—Историческая пѣсня	65

Осада Троицкой Лавры.—А. Толстого 66
Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.—Народная былина 68
Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.—Опочинина 73
Свержéніе съ престола Василія Шуйскаго.—Изъ поэмы «Марина Мнишекъ».—Львовой 76
Василій Шуйскій.—Историческая пѣсня. 79
Прокофій Петровичъ Ляпуновъ.—Историческая пѣсня 79
Архимандритъ Діонисій.—Навроцкаго 81
Козьма Мининъ.—Навроцкаго 84
Рѣчь Минина къ нижегородцамъ.—Изъ драматической хроники «Козьма Мининъ Сухорукъ».—Островскаго 91
Мининъ и Пожарскій.—Историческая пѣсня 93
Памятникъ Козьмѣ Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ.—Розенгейма. 95
Мечъ Пожарскаго.—Ростопчиной. 97
Смерть патріарха Гермогена.—Розенгейма 98
Предсмертное видѣніе патріарха Гермогена.—Навроцкаго. . . 101
Освобожденіе Москвы.—Дмитріева 102
Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.—Историческая пѣсня. 106
Иванъ Сусанинъ.—Рылѣева. 106
На памятникъ, сооружаемый Сусанину.—Ростопчиной. . . . 109
Ипатьевскій монастырь.—Навроцкаго 110
Въ Ипатьевскомъ монастырѣ.—Львовой. 111
Славься!—Хоровая пѣсня. 114

Смутное время на Руси.

(1598—1613 г.).

По смерти Іоанна IV Грознаго (1584 г.), на московскій престолъ вступилъ его старшій сынъ Ѳеодоръ Іоанновичъ (1584—1598 г.), мало способный къ государственному управленію. Попытка Нагихъ возвести на престолъ малолѣтняго сына Грознаго Димитрія не имѣла успѣха; царевичъ съ своей матерью (Маріей Нагой) былъ сосланъ въ свой удѣлъ Угличъ. Ѳеодоръ сталъ править при помощи боярской думы, самымъ дѣятельнымъ членомъ въ которой сдѣлался Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, сестра котораго Ирина была супругой Ѳеодора Іоанновича. Годуновъ, послѣ ссылки князей Шуйскихъ, хотѣвшихъ отстранить его отъ дѣлъ при помощи митрополита Діонисія, сдѣлался полновластнымъ правителемъ царства, именуясь „ближнимъ великимъ бояриномъ“. При немъ уничтоженъ Юрьевъ выходъ (вольный переходъ крестьянъ въ Юрьевъ день) и введено крѣпостное состояніе, особенно выгодное для мелкихъ землевладѣльцевъ (дворянъ и дѣтей боярскихъ), обязанныхъ военной повинностью, равно какъ и для раскладки государственной сошной подати (съ земли). Въ его же царствованіе, вмѣсто митрополіи, съ благословенія константинопольскаго патріарха (Іереміи), учреждено патріаршество. Въ санъ патріаршій возведенъ Іовъ, доброхотъ Бориса. Въ восьмой годъ правленія Ѳеодора въ дальнемъ Угличѣ погибъ (1591 г.) царевичъ Димитрій отъ руки убійцъ (Битяговскаго, Качалова и Волохова). Народная молва обвиняла въ его смерти властолюбиваго Бориса, тѣмъ болѣе что слѣдователи отъ правительства (митрополитъ Геласій, князь Василій Ивановичъ Шуйскій и окольничій Клешнинъ) показали, по желанію Годунова, что девятилѣтній младенецъ, играя „въ тычку“ (свайку), въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ накололся на ножъ.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, не оставившаго завѣщанія, Москва присягнула его супругѣ Иринѣ. Когда же царица постриглась въ монахини въ Новодѣвичьей обители, дьякъ Щелкаловъ, вышедъ къ народу, предложилъ присягнуть на имя думы боярской; но народъ не могъ пред-

ставить себѣ государство безъ государя и отвергъ предложеніе дьяка. Тогда патріархъ Іовъ, оставшійся главнымъ верховнымъ сановникомъ въ Россіи, посовѣтовалъ народу возвести на престолъ Годунова, удалившагося въ Новодѣвичій монастырь къ сестрѣ. Затѣмъ, говоритъ преданіе, предлагали Борису царскую власть съ „записью“ (съ ограниченіемъ), но онъ ее не принялъ. Только земскому собору изъ выборныхъ со всей земли русской удалось убѣдить правителя, послѣ неоднократныхъ отказовъ съ его стороны, принять власть и притомъ безъ ограниченія. Чрезвычайно хитрый, но мелочной и подозрительный, постоянно окруженный наушниками и доносчиками, Борисъ возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе. Въ противоположность Грозному, онъ преслѣдовалъ бояръ не изъ мести, а по холодному, тонкому разсчету, не явно, а скрытно. Между жертвами его гоненія особенно замѣчательны: Богданъ Бѣльскій, воспитатель царевича Димитрія, и братья Романовы, племянники Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго. Не довѣряя русскимъ, Борисъ завелъ при своемъ дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей, которымъ давалъ большое содержаніе.

Въ послѣдніе годы его царствованія Россію терзали страшный голодъ и моровая язва. Крестьяне, недовольные введеніемъ крѣпостного состоянія, толпами уходили на западную, сѣверскую украйну; туда же спасались отъ своихъ господъ дворовые холопы. Эти бѣглые, составивъ особую казацкую вольницу, большими отрядами врывались въ области Московскаго государства и съ озлобленіемъ ихъ разоряли, помня свое прежнее угнетеніе. Удалой атаманъ ихъ, Хлопко, по прозвищу Косолапъ, дошелъ до самой столицы, распространяя ужасъ на своемъ пути. Царскіе воеводы выступили противъ „воровъ“. Въ окрестностяхъ Москвы крестьянская казацкая вольница была разбита наголову. Хлопку со многими товарищами взяли въ плѣнъ и казнили. Эти успѣхи однакожъ не могли успокоить Россію. Неудовольствіе было повсемѣстное. Виновникомъ бѣдствій считали Бориса. Въ народѣ разнесся глухой слухъ, что царевичъ Димитрій живъ. Пришла трудная пора: наступило смутное время.

Въ концѣ царствованія Бориса Годунова въ народѣ стали поговаривать, что сынъ Іоанна Грознаго, Димитрій, живъ, скрывается въ Польшѣ и скоро вступитъ въ Россію съ войскомъ для возвращенія отцовскаго наслѣдія. Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ явился (1603 г.) человѣкъ, имѣвшій дерзость превозгласить себя Димитріемъ. То былъ, по общему мнѣнію, бѣглый монахъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ (родомъ изъ галицкихъ служилыхъ людей). Онъ сошелся съ польскими вельможами (князьями Вишневецкими, воеводой сандомірскимъ Мнишкомъ и др.), поладилъ съ іезуитами, мечтавшими черезъ него ввести въ Россіи католичество, и самъ сдѣлался тайнымъ католикомъ. Покровительствуемый польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, самозванецъ успѣлъ набрать небольшое войско изъ польской шляхты и казаковъ. Съ этой ратью онъ перешелъ

Днѣпръ (1604 г.) и вторгнулся въ сѣверскую украйну. Неудачи подъ Новгородомъ Сѣверскимъ и Сѣвскомъ не остановили Лжедимитрія. Народъ въ Сѣверской землѣ переходилъ на его сторону. Между тѣмъ Годуновъ внезапно скончался (1605 г.). На московскій престолъ вступилъ его сынъ, юный Ѳеодоръ. Несмотря на присягу, воевода царскихъ войскъ Басмановъ измѣнилъ сыну Годунова и вмѣстѣ со всѣмъ войскомъ перешелъ на сторону самозванца. Москва возмутилась, подстрекаемая къ мятежу клевретами Лжедимитрія. Ѳеодоръ Годуновъ былъ низверженъ съ престола и умерщвленъ. Обманщикъ съ торжествомъ вступилъ въ столицу русскихъ государей. Воцарившись, самозванецъ женился на дочери Мнишка, Маринѣ. Онъ однако правилъ государствомъ не долго, всего одиннадцать мѣсяцевъ. Легкомысліе Лжедимитрія раздражило народъ. Бояре, принявшіе его сторону только для того, чтобы низложить Годуновыхъ, воспользовались всеобщимъ неудовольствіемъ. Въ ночь на 17 мая 1606 г. въ Москвѣ грянулъ набатъ. Народъ возсталъ, предводимый княземъ Василіемъ Шуйскимъ. Мнимый сынъ Грознаго былъ убитъ.

Послѣ этого переворота бояре возвели на престолъ Шуйскаго „съ записью“ (съ ограниченной властью). Съ Василія была взята запись только къ выгодѣ бояръ; оттого народъ сталъ питать къ нему нерасположеніе. И вотъ, во второй годъ царствованія Шуйскаго опять стала ходить молва въ народѣ, что Димитрій спасся отъ смерти и живетъ въ Литвѣ. Василій велѣлъ перенести мощи св. младенца Димитрія изъ Углича въ Москву, чтобъ убѣдить народъ въ дѣйствительной смерти младшаго сына Іоанна. Но недовольный народъ не вѣрилъ боярскому царю. Знамя бунта поднялъ путивльскій воевода, князь Шаховской. Въ сѣверской украйнѣ, взволнованной Шаховскимъ именемъ мнимо-спасеннаго царевича, во главѣ возстанія сталъ Болотниковъ, прежде бывшій холопомъ. Около него собралось большое войско изъ казаковъ, холопей и бѣглыхъ крестьянъ. Недалеко отъ Москвы съ Болотниковымъ соединились рязанскіе мятежники со своими начальниками, дворяниномъ Прокопіемъ Ляпуновымъ и воеводой Сунбуловымъ. Когда Ляпуновъ и Сунбуловъ помирились съ царемъ, Болотниковъ, разбитый племянникомъ Василія, княземъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, называвшимъ себя сыномъ Ѳеодора Іоанновича, Петромъ. Самъ царь съ огромной ратью осадилъ Тулу, взялъ ее, казнилъ Болотникова вмѣстѣ съ Лжепетромъ и возвратился въ Москву. Наконецъ въ Стародубѣ-Сѣверскомъ явился (1608 г.) и новый Лжедимитрій во главѣ буйной вольницы изъ бѣглыхъ крестьянъ и холопей. Къ нему присоединились казаки и поляки подъ начальствомъ гетмана Рожинскаго. Самозванецъ расположился въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ. Сюда насильно привезли къ мнимому ея мужу и Марину Мнишекъ. Между тѣмъ какъ тушинскій воръ съ Рожинскимъ стояли подъ Москвою, силясь овладѣть ею, литовскіе налеты, Сапѣга и Лисовскій,

тщетно пытались взять укрѣпленную Троицкую лавру (1608—1610 г.). Въ то же время тушинскіе легкіе отряды, разсѣявшись по всему государству, приводили города, одинъ за другимъ, въ подданство самозванцу. Изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву непрестанно перебѣгали „перелеты“ (такъ прозванные въ насмѣшку за измѣну). Смятеніе во всемъ государствѣ было несказанное; все дышало крамолой. Тогда царь Василій послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ просить у шведскаго короля Карла IX помощи. Карлъ IX, опасаясь господства поляковъ въ Россіи, отправилъ на подмогу царю московскому 5000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Делагарди. Шведское войско соединилось съ ополченіемъ, набраннымъ Скопинымъ въ сѣверо-западной Россіи. Изъ Новгорода русская рать и наемники двинулись на очищеніе государства отъ тушинцевъ. Отпавшія области признали снова царемъ Василія. Скопинъ-Шуйскій разбилъ Сапѣгу при Калязинѣ монастырѣ и собирался разметать тушинскій лагерь. Когда Сигизмундъ III подступилъ къ Смоленску, польская шляхта изъ Тушина перешла къ королю. Тушинскій воръ ушелъ въ Калугу, куда къ нему пріѣхала и Марина. Тогда Рожинскій сжегъ лагерь и отступилъ на западъ. Казаки, многіе русскіе измѣнники, холопы и бѣглые крестьяне опять пристали къ самозванцу. Между тѣмъ московское государство стало оправляться. Скопинъ готовился идти на Сигизмунда подъ Смоленскъ, но вдругъ занемогъ и умеръ, отравленный, по свидѣтельству современниковъ, на пиру у князя Воротынскаго женою царскаго брата Димитрія Шуйскаго (надѣявшагося наслѣдовать престолъ послѣ бездѣтнаго Василія и видѣвшаго въ племянникѣ соперника). По смерти Скопина царь Василій сталъ еще ненавистнѣе народу. Когда въ Москву пришла вѣсть о пораженіи близъ деревни Клушина гетманомъ Жолкѣвскимъ царскаго войска, отправленнаго подъ начальствомъ Дмитрія Шуйскаго на выручку Смоленска, столица, взволнованная Захаріемъ Ляпуновымъ (братомъ Прокопія), возмутилась. Василія низложили и силою постригли въ монахи (1610 г.).

Правительственная власть перешла въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи бояръ, между которыми первымъ былъ князь Мстиславскій. Надлежало рѣшить, кому быть царемъ. Нѣкоторые держали сторону тушинскаго Лжедимитрія; Гермогенъ, возведенный въ санъ патріаршій при Василіи Шуйскомъ, совѣтовалъ избрать государя изъ среды русскихъ бояръ; верховная семичленная дума предлагала пригласить на царство Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда. Появленіе Жолкѣвскаго съ войскомъ подъ стѣнами Москвы рѣшило спорный вопросъ въ пользу королевича. Согласились присягнуть Владиславу (1610 г.), съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православіе, женился на русской и правилъ съ ограниченіемъ его власти боярами и высшимъ духовенствомъ. Чтобъ покончить дѣло, отправили къ Сигизмунду послами князя Василія Голицына и ростовскаго митрополита Филарета (прежде боярина Ѳеодора

Никитича Романова). Гетманъ Жолкѣвскій, съ согласія бояръ, занялъ столицу, но узнавъ, что Сигизмундъ желаетъ самъ быть царемъ, немедленно уѣхалъ подъ Смоленскъ, оставивъ въ Москвѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Польскіе паны требовали отъ русскихъ пословъ сдачи Смоленска. Такъ какъ послы никакъ не хотѣли на то согласиться, то Сигизмундъ объявилъ ихъ плѣнниками и отправилъ въ Польшу, куда отвезли и бывшаго царя Василія съ братьями. Почти въ то же время тушинскій самозванецъ былъ застрѣленъ. Многіе, державшіеся стороны Владислава, изъ страха ко второму Лжедимитрію, по смерти послѣдняго не думали болѣе о королевичѣ, тѣмъ болѣе что Сигизмундъ, слѣпо приверженный къ католичеству, оспаривалъ у сына московскую корону.

Поднялся всеобщій ропотъ. Гермогенъ разослалъ по городамъ граматы, призывая ратныхъ людей на защиту вѣры и отечества. Составилось ополченіе. Дружины двадцати пяти городовъ подъ предводительствомъ рязанскаго дворянина Прокопія Ляпунова подступили къ Москвѣ (1611 г.). Къ нимъ присоединилась служившая прежде тушинскому вору казацкая вольница, подъ начальствомъ Трубецкого, Заруцкаго и др. Ополченіе, подступивъ къ Москвѣ, на ея мѣстѣ нашло одно пепелище, среди котораго возвышались стѣны Кремля и Китая-города, скрывавшія непріятеля: поляки, тѣснимые взбунтовавшимися москвичами, сожгли столицу. Съ общаго согласія правительственную власть вмѣстѣ съ военачальствомъ приняли на себя три вождя: князь Трубецкой, Иванъ Заруцкій и Прокопій Ляпуновъ. Вожди непрестанно ссорились; казаки безчинствовали и роптали на Ляпунова за его строгость. Подложная грамата, написанная отъ имени Ляпунова, въ которой заключался мнимый приказъ объ истребленіи казаковъ, подосланная въ казацкій станъ Гонсѣвскимъ, окончательно озлобила казаковъ. Они потребовали Прокопія къ отвѣту и изрубили саблями. Со смертью Ляпунова земское ополченіе разстроилось. Казаки хотя и остались подъ стѣнами столицы, но занимались болѣе грабежемъ сосѣднихъ областей, нежели осадой. Среди этихъ печальныхъ обстоятельствъ Смоленскъ сдался Сигизмунду (1611 г.). Новгородъ, еще не забывшій своей древней политической независимости, отдѣлился отъ Москвы и отдался подъ покровительство Швеціи (1611 г.). Псковъ призналъ царемъ третьяго Лжедимитрія (бывшаго дьякона Исидора). Появились въ разныхъ мѣстахъ отряды шишей (партизановъ). Астрахань присягнула сыну Марины (отъ второго Лжедимитрія). Сосредоточенное Московское государство готово было распасться на части; оживала, мнилось, удѣльно-вѣчевая Русь... Между тѣмъ опасность отъ враговъ внѣшнихъ все болѣе и болѣе усиливалась. Среди всеобщаго смятенія Сергіевская Троицкая лавра явилась истиннымъ ковчегомъ спасенія. Ея архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ разсылали во всѣ концы гибнувшаго государства краснорѣчивыя граматы, призывая ратныхъ людей на спасеніе вѣры и отечества. Эти граматы произвели сильное впечатлѣ-

ніе на жителей городовъ, особенно сѣверо-восточныхъ. Всѣ были въ трепетномъ ожиданіи: что-то великое, чудесное готово было совершиться...

И вотъ въ эту скорбную, безнадежную пору является въ Нижнемъ-Новгородѣ мясникъ, которому суждено было спасти Россію. Одна изъ троицкихъ граматъ достигла Нижняго. Протопопъ прочелъ ее во всеуслышаніе въ нижегородскомъ соборѣ. Тогда земскій староста нижегородскаго посада, ремесломъ „говядарь“, Козьма Мининъ-Сухорукій, сказалъ собравшимся гражданамъ: „не пожалѣемъ ничего: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ“. Составилось ополченіе, начальство надъ которымъ вручено, по совѣту Минина, князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, славному своею храбростью въ битвахъ съ поляками; завѣдываніе казною поручено Минину. Нижегородское ополченіе значительно увеличилось отъ прибывшихъ служилыхъ людей со всѣхъ концовъ Россіи. Свѣдавъ о вооруженіи нижегородцевъ, поляки, находившіеся въ Москвѣ, стали понуждать патріарха Гермогена запретить низовому ополченію походъ. Твердый старецъ не посмотрѣлъ на угрозы враговъ и послалъ благословеніе русской рати. Героя инока уморили голодомъ. Между тѣмъ князь Пожарскій чуть не погибъ въ Ярославлѣ отъ ножа убійцы, подосланнаго Заруцкимъ. Подъ стѣнами Москвы (1612 г.) русское ополченіе вступило въ битву съ гетманомъ Ходкѣвичемъ, приведшимъ значительное подкрѣпленіе польскому гарнизону. Ходкѣвичъ, пораженный наголову, бѣжалъ изъ Россіи, а побѣдители занялись осадой Кремля, въ которомъ заперся полковникъ Струсь. Голодъ принудилъ храбраго полковника сдать князю Пожарскому крѣпость (25 октября 1612 г.), на выручку которой спѣшилъ самъ король Сигизмундъ. Свѣдавъ о взятіи Кремля русскими, король воротился въ Польшу. По очищеніи Москвы отъ непріятеля, собравшійся въ столицѣ земскій соборъ 21 февраля 1613 г. единогласно избралъ царемъ Россіи шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова (сына Ѳеодора Никитича, въ монашествѣ Филарета). Когда послы отъ земскаго собора прибыли въ костромскую Ипатьевскую обитель, въ которой жилъ юный Михаилъ при матери (инокинѣ Марѳѣ), послѣдняя не соглашалась разстаться съ сыномъ, опасаясь за его участь въ государствѣ, волнуемомъ крамолой и измѣной. Только послѣ неотступныхъ просьбъ пословъ рѣшилась старица Марѳа благословить сына на царство. Такимъ образомъ Михаилу Ѳеодоровичу Романову суждено было сдѣлаться родоначальникомъ новой царской династіи. Напрасно поляки пытались отдѣлаться отъ новаго русскаго государя убійствомъ: самоотверженіе крестьянина Ивана Сусанина спасло его жизнь, столь нужную тогда для Россіи. (Изъ соч. Платона Павлова „Тысячелѣтіе Россіи“).

„И было тогда, говоритъ старинное сказаніе, такое лютое время Божія гнѣва, что люди русскіе и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля русская запустѣла... И прозвали старики наши это лютое

время „лихолѣтьемъ“, потому что тогда была на русскую землю такая бѣда, какой не бывало съ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли русской“.

То были ужасные, грозные годы
Для русской несчастной земли,
Когда, какъ громовыя тучи, невзгоды
Свинцомъ ей на грудь налегли.
Земля расшаталась. Порвались узы,
Скрѣплявшія съ властью народъ;
Погибли отъ Грознаго древніе роды,
И ихъ замѣнилъ всякій сбродъ
Холоповъ кабальныхъ, безъ правды, безъ чести,
Забывшихъ и совѣсть и стыдъ,
И жившихъ плодами коварства и лести,
И мнившихъ: счастливъ, коли сытъ.
Борисъ Годуновъ, самозванецъ Димитрій,
И Шуйскій, и Тушинскій воръ
Смѣняли другъ друга, какъ Божія кара,
Какъ грозный судьбы приговоръ.
Повсюду бродили, какъ волки, поляки;
Какъ рой саранчи, казаки
Носились по селамъ, и жгли, и терзали
Несчастную Русь ихъ полки.
И много своихъ въ тѣ года измѣнило,
И радуясь общей бѣдѣ,
Лишь рыбу ловить, для поганой корысти,
Старалися въ мутной водѣ.
Но все же и въ эти ужасные годы
Въ конецъ не покинулъ насъ Богъ
И, грозно карая за грѣхъ и неправду,
Собраться землѣ Онъ помогъ.

Навроцкій.

Была пора: коварный, вражій ляхъ
На русскій тронъ накликалъ самозванца,
Заграбилъ все, и Русь въ его цѣпяхъ
Въ цари назвать дерзнула иностранца.
Зачахла русская земля:
Ей ляхъ напомнилъ плѣнъ татарскій,

И брошенъ былъ вѣнецъ нашъ царскій
Къ ногамъ презрѣннымъ короля;
Но крикнулъ Мининъ, и съ Кремля
Ихъ опрокинулъ князь Пожарскій.

Жуковскій.

Въ годы былыхъ испытаній лихихъ
Тяжкія бѣды грозовою тучей
Русь омрачали,—не падалъ отъ нихъ
Духомъ народъ, богатырь нашъ могучій;
Все на плечахъ онъ своихъ поднималъ,
Словно крѣпчала въ немъ мощь годъ-отъ-года.
Славу былую всегда воскрешалъ
Въ пору безвременья голосъ народа.
Гибла отчизна подъ гнетомъ борьбы
Въ дни самозванщины, въ смутное время,
Всѣхъ пригнетало возмездье судьбы,
Силъ не хватало нести это бремя;
Занятъ врагами былъ царства оплотъ,
Рати сдавались, не видя исхода,—
Подняло Минина слово народа,
Спасъ Русь-страдалицу голосъ народа.
„Братья! Заложимъ и женъ, и дѣтей,
Крестъ свой послѣдній—на общее дѣло!..“—
Кличъ прогремѣлъ отъ поволжскихъ полей,
Море народной любви закипѣло;
Двинула Волга могучую рать,
Изгнанъ былъ врагъ, миновала невзгода,
Солнце надъ Русью зажглося опять,
Небо услышало голосъ народа.

Коринфскій.

Убіеніе царевича Димитрія.

(Историческая пѣсня).

Охъ, было у насъ, братцы, въ старые годы, въ давніе вѣки,
Въ давніе вѣки, при старыихъ при царяхъ,
Было время злое, пагубное.
Ужъ настало то время злое при старомъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ;
Какъ преставился-то нашъ православный царь Ѳедоръ Ивановичъ,
Такъ досталась-то Россеюшка злодѣйскимъ рукамъ,
Злодѣйскимъ рукамъ, боярамъ-господамъ.
Появилась-то изъ бояръ одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борисъ Годуновъ сынъ;
Ужъ и этотъ Годунъ всѣхъ бояръ-народъ надулъ.
Ужъ и вздумалъ полоумный Россеюшкой управлять;
Завладѣлъ всею Русью, сталъ царствовать въ Москвѣ.
Ужъ досталъ онъ и царство смертію царя,
Смертію царя славнаго, святого Димитрія царевича.
Какъ собралъ-то себѣ разбойникъ Годуновъ сынъ,
Собралъ проклятыхъ людей, злыхъ разбойниковъ;
Собравши ихъ, прокляту рѣчь имъ взговорилъ:
„Вы, разбойнички, удалые молодцы!
„Вы подите, вы убейте Дмитрія царя!
„Вы придите и скажите: убили ли царя?
„Сослужите вы мнѣ эту службу, сослужу я вамъ златомъ-серебромъ“.
Ужъ пошли прокляты люди, злы разбойники,
Пошли во святое мѣсто въ Угличъ славный градъ,
Ужъ убили тамъ младаго царевича Дмитрія святого;
Ужъ пришли-то и сказали Борису Годуну.
Какъ услышалъ-то Борисъ, злу возрадовался.
Ужъ и царствовалъ Борисъ ровно пять годовъ;
Умертвилъ себя Борисъ съ горя ядомъ змѣйнымъ,
Ядомъ змѣйнымъ, кинжаломъ вострымъ.

Убіеніе царевича Димитрія.

(Историческая пѣсня).

Что ни вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То орелъ летитъ по поднебесью,

Зорко смотритъ онъ на Москву-рѣку,
На палатушки бѣлокаменны,
На сады ея на зеленые,
На златой дворецъ стольна города.
Не люта змѣя воздывалася—
Воздывался собака-булатный ножъ,
Упалъ ни на воду, ни на землю,
Упалъ царевичу на бѣлу грудь,
Тому ли царевичу Димитрію.
Убили же царевича Димитрія,
Убили его на Углищѣ,
На Углищѣ, на игрищѣ!
Ужъ какъ въ томъ дворцѣ черной ноченькой
Коршунъ свилъ гнѣздо съ коршунятами;
Ужъ какъ тотъ орелъ Димитрій царевичъ,
Что и коршунъ тотъ Годуновъ Борисъ;
Убивши царевича, самъ на царство сѣлъ,
Царилъ же злодѣй ровно семь годовъ.
Что ни вихрь крутитъ по долинушкѣ,
Не сѣдой ковыль къ землѣ клонится—
То идетъ ли грозный Божій гнѣвъ,
Грозный Божій гнѣвъ на святую Русь:
И погибъ коршунъ на гнѣздѣ своемъ,
Его пухъ прошелъ по поднебесью,
Проточилась кровь по Москвѣ-рѣкѣ.

Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

Пименъ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,

Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (пишетъ).

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно-ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда душой, въ минувшемъ погруженной,
Онъ лѣтопись свою ведетъ: и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и вовѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Доселѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ!—а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
„Отцы мои, желанный день придетъ—
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ.
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши“.
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.

А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась, а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя.
О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича: въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ,—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ уже зарѣзанный царевичъ;

Царица-мать въ безнамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда—Битяговскій.
„Вотъ, вотъ злодѣй!“—раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
„Покайтеся!“—народъ имъ завопилъ,
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,—
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчество и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И загасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій!

(Уходитъ)

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить

О жребіи несчастнаго младенца,
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Пушкинъ.

Чудо отъ мощей царевича Дмитрія.

(Разсказъ пастуха патріарху).

„Въ младыхъ лѣтахъ", сказалъ онъ, „я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лѣчился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи—
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ наконецъ утратилъ я надежду
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли.
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ—и я тебя прощу.
Но кто же ты?—спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь—великій чудотворецъ.
Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой соборъ и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ-будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку

Сказалъ: „Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія“. И мальчикъ
Повелъ меня—и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку“.

Пушкинъ.

Царь Борисъ.

Сіялъ весенній день. Одѣлся лѣсъ листвою.
Среди домовъ бѣлѣлися сады.
Сверкали золотомъ кресты святыхъ соборовъ,
Затихъ гомонъ вседневной суеты.
Отъ утреннихъ трудовъ трапезой подкрѣпившись,
Все предалось полуденному сну;
Зане бояринъ, смердъ, купецъ, работникъ, нищій
Однимъ порядкомъ жили въ старину.
И царь Руси Борисъ, съ семьею пообѣдавъ,
Пошелъ на вышку своего дворца,
Въ которомъ онъ не разъ отъ гнѣва Іоанна
Со страхомъ жизни ждалъ своей конца.
Любилъ онъ тамъ одинъ порою любоваться
На лѣтній видъ раскидистой Москвы,
Тонувшей въ зелени садовъ и рощъ цвѣтущихъ,
Въ объятіяхъ небесной синевы.
Въ тотъ день онъ счастливъ былъ:
Пресѣкся страшный голодъ; спокоенъ сталъ, насытившись, народъ.
Онъ не любилъ царя, но дань воздалъ успѣхамъ
Его державныхъ царственныхъ заботъ.
Седьмое лѣто шло, какъ твердою стопою
Вступилъ Борисъ на царственный престолъ,
Куда возвелъ его, трикратно призывавшій
Пословъ земли рѣшающій глаголъ.
Тяжелъ, кровавъ былъ путь къ завѣтному престолу;
Сперва не смѣлъ и думать онъ о немъ.
Той думой никогда ни съ кѣмъ онъ не дѣлился,
Несбыточнымъ ее считая сномъ.
Самъ Грозный царь Иванъ старательно расчистилъ
Ему тотъ путь, невѣдомо помогъ:
Безъ сожалѣнья всѣхъ могилѣ обрекая,
Кто знатностью соперничать съ нимъ могъ.
Теперь помѣхи нѣтъ. Романовы въ опалѣ.

Ихъ гордую обширную семью
Разсѣялъ онъ, какъ дымъ; ихъ держитъ въ ссылкѣ дальней
Или обрекъ на вѣкъ монастырю.
„Я не боюся ихъ; безсильны тамъ ихъ ковы;
Хоть на Руси и чтутъ ихъ древній родъ,
И ближе всѣхъ они къ державному престолу—
Забудетъ скоро ихъ довольный мной народъ.
Одинъ меня томитъ. Кровавымъ привидѣньемъ
Блуждаетъ онъ на прошлаго пути.
Я долго выжидалъ, но долженъ былъ рѣшиться,
Чтобъ до престола царскаго дойти.
Тяжелымъ камнемъ онъ лежитъ всегда на сердцѣ.
Но мертвецами я неуязвимъ,
И хоть порой они тревожатъ страшно совѣсть,
Но свергнуть съ трона не подъ силу имъ.
Спокоенъ нынѣ я за свой престолъ законный,
Какъ всенародно призванный къ нему,
И роду моему на царствѣ укрѣпиться
Не помѣшать отнынѣ никому.
Преемникъ мой, мой сынъ, вполнѣ душою чистый,
Обиленъ знаньемъ, молодъ и здоровъ,
Сумѣетъ укрѣпить онъ царственному роду
Всеобщую народную любовь.
И тамъ подъ сводами священнѣйшаго храма
Передъ лицемъ радѣтелей земли
Вѣнчаться съ царствомъ будутъ въ бармахъ Мономаха
Преемники державные мои.
Наслѣдьемъ мудрости прославится далеко
Родъ Годуновыхъ, родъ державный мой,
И поведетъ онъ Русь ея путемъ грядущимъ
Могучею и властною рукой".
И съ гордостью царя, владыки-самодержца,
Взглянулъ Борисъ на городъ стольный свой,
Сіявшій золотомъ крестовъ и главъ церковныхъ,
Среди цвѣтущей зелени густой.
Тамъ закипала жизнь. Обозы разгружались
Въ рядахъ торговыхъ; сталъ сновать народъ
Подъ бременемъ труда, потребности насущной,
И злобѣ дня довлѣющихъ заботъ.
По улицѣ Кремля скакалъ въ доспѣхахъ всадникъ;
Вздымая пыль, спѣшилъ онъ ко дворцу;
Чуть не упалъ съ конемъ въ размытую канаву
И подскакалъ къ служилому крыльцу.

„Гонецъ. Откуда бы? Съ какою присланъ вѣстью?
Спѣшилъ на дорогомъ аргамакѣ".
— „Не силю. Войди!" Вошелъ царя любимый стольникъ
И свитокъ подалъ въ кожаномъ лубкѣ.—
„Ступай". Ушелъ. Взглянулъ Борисъ на подпись свитка.
„Изъ Стародуба. Знаю напередъ,
Что пишетъ Татевъ мнѣ. Тамъ вольница степная
Тревожитъ часто нашихъ воеводъ;
Смирить ее пора". Онъ развернулъ лѣниво
Этотъ свитокъ, сталъ читать его—и вдругъ
Весь задрожалъ, какъ листъ отъ вихря непогоды
И исказилъ лицо его испугъ.
— „Не можетъ быть! Царевичъ Дмитрій? Умеръ!
Въ могилѣ онъ! Давно лишь прахъ земной.
Какая дерзость! Кто же? Кто рѣшился
Прикрыться имъ? Вступить въ борьбу со мной?
Меня тревожить хочетъ изъ могилы?
Хоть звукъ пустой, но мнѣ опасенъ онъ:
Мои враги, а ихъ еще не мало,
Мутить народъ начнутъ со всѣхъ сторонъ.
Оно мнѣ страшно! Разомъ подъ ногами
Разверзлась пропасть, и на днѣ ся
Опять ты, отрокъ, жертва роковая,
И тягота душевная моя.
Что̀ мнѣ грозитъ? Не часъ ли искупленья
Днесь настаетъ?... Возмездья судный день?.."
И ужасомъ его сковала сердце
Царевича загубленная тѣнь.

Навроцкій.

Заточеніе Марѳы Ивановны Романовой.

Пуста въ Карелѣ сторона,
Безмолвны сѣвера поляны:
Въ тиши ночной, какъ великаны,
Возставъ озеръ своихъ со дна,
Въ выси рисуются обломки—
Чуть уцѣлѣвшіе потомки
Былыхъ, первоначальныхъ горъ.
Но рѣдко человѣка взоръ
Скользитъ, заходитъ въ ихъ изгибы.
Однѣ, встревожась, плещутъ рыбы,

Иль крики чаекъ на водахъ
Пустынный отзывъ оживляютъ.
Порою, на пустыхъ брегахъ,
Сквозь млечноводные туманы,
Мелькаетъ тѣнь передъ огнемъ,
Иль въ челнокѣ златымъ столпомъ
Огонь. И въ сумеркахъ румяный
Онъ стелетъ ленты подъ водой:
То сынъ Карелы молчаливый
Безпечныхъ лоховъ станъ сонливый
Тревожитъ мѣткой острогой...
Въ лѣсной глуши
Надъ рудяными озерами
(Въ странѣ пустынь, духовъ и чаръ),
Тутъ только слышенъ крикъ гагаръ,
Да чей-то голосъ вечерами
Выходитъ гуломъ изъ лѣсовъ:
Въ народѣ говорятъ: „то лѣшій!“
И стая филиновъ и совъ
Перекликаются... И пѣшій
Тропой, изрытой межъ стремнинъ,
Мелькнетъ порой Карелы сынъ
Въ своей погонѣ за лисицей,
Слѣдя волковъ и россомахъ,
Или встрѣчаяся на мхахъ
Съ вѣтвисторогою станицей...
Карельцы бродятъ боязливо
У терема съ большимъ крыльцомъ.
Онъ, новый, выстроенъ красиво
И тынъ кругомъ его кольцомъ.
Стрѣльцы съ пищалями на стражѣ.
А кто-жъ подъ стражей?—какъ узнать?
И кто бы столько былъ отваженъ,
Чтобъ о затворникѣ пытать?
Однакожъ знали, что кого-то
Изъ дальней Русскія земли
Въ покрытой соймѣ привезли
И въ теремъ заперли за что-то!..
Не всѣ не знаютъ, кто въ затворѣ.
Въ Карельскій-Выгозерскій станъ
Изъ красныхъ замосковскихъ странъ
Переселялись люди... Вскорѣ
Узнали... судятъ, говорятъ,

И сѣтуютъ на Годунова,
И за Романовыхъ творятъ
Молитву. Ихъ душа готова
Страдальцевъ славныхъ оправдать
И защитить...
„Что-жъ дѣлать? Годунова сила!..
„Она—Романовыхъ почтенная семья:
„Самоохотный царь ихъ гонитъ безъ причины:
„Знать чернокнижникъ онъ! знать Русь околдовалъ!..
„Весь родъ Романовыхъ по ссылкамъ разослалъ;
„И Марѳѣ Іоанновнѣ пришлось у насъ съ кручины
„Свой вѣкъ окоротать, тоскуя сиротой!“
Такъ молвили промежъ собой,
Такъ голосъ русскій отзывался!..

Глинка.

„Великая старица инокиня Марѳа, въ мірѣ боярыня Ксенія Ивановна Романова, была дочерью дворянина Ивана Васильевича Шестова. Свадьба Ѳеодора Никитича и Ксеніи Ивановны совершилась около 1590 г. Самъ царь Ѳеодоръ и Годуновъ участвовали въ обрядѣ. Но по воцареніи своемъ Годуновъ не замедлилъ наложить опалу на весь родъ Романовыхъ, которые были опасны ему въ будущемъ, какъ возможные соперники его сына,—въ настоящемъ, какъ сила въ средѣ бояръ, готовыхъ, въ минуты недовольства на Годунова, вспомнить о покойномъ бояринѣ Никитѣ Романовичѣ и указать на дѣтей его, двоюродныхъ братьевъ послѣдняго прирожденнаго царя Ѳеодора Іоанновича. Изгнаніе и ссылка постигли сыновей и дочерей Никиты Романовича, шурина Ивана Грознаго. Старшаго изъ нихъ Ѳеодора насильно постригли въ монахи подъ именемъ Филарета и заключили въ Сійскомъ монастырѣ; супругу же его разлучили съ малолѣтними дѣтьми, Михаиломъ и Татіаной, отправленными на Бѣлоозеро, постригли въ монахини и сослали въ самое глухое, отдаленное мѣсто, въ Заонежье, въ Толвуйскій погостъ, въ нынѣшнемъ Петрозаводскомъ уѣздѣ.

Пріѣздъ ссыльной боярыни-инокини Марѳы произвелъ впечатлѣніе на гостепріимныхъ и добродушныхъ заонежанъ. Чуждые всякаго раболѣпства, не знавшіе городского обычая, они берегли и покоили, какъ могли, знатную московскую гостью въ своихъ просторныхъ и теплыхъ домахъ. Годъ, проведенный Марѳою Ивановною въ Толвуѣ, оставилъ ей добрыя воспоминанія. Въ 1602 г. окончилось строгое заключеніе Романовыхъ; Марѳу соединили съ дѣтьми, возвращенными изъ Бѣлозерскаго края, и указали ей жить съ ними въ старинной вотчинѣ Романовыхъ, въ селѣ Клинъ Юрьевскаго уѣзда. По воцареніи Лжедимитрія Романовы прибыли съ честью въ столицу, гдѣ ихъ приняли, какъ царскихъ род-

ственниковъ, и Филаретъ, въ санѣ уже архимандрита, встрѣтился наконецъ съ бѣдною женою своею и милыми дѣтками.

Борисъ Годуновъ, случайный царь, весь полный мучительныхъ тревогъ и сомнѣній, совѣщался съ ворожеями, знахарями и звѣздочетами, крѣпко-ль будетъ держаться на его головѣ Мономахова шапка? Столѣтняя колдунья, привезенная откуда-то изъ костромскихъ лѣсовъ, предсказала ему:—„Охъ, батюшка-царь, бойся ты бояръ Романовыхъ! Будутъ они править русской землею". Послѣ этого Годуновъ съ болѣзненною жестокостью принялся изводить весь родъ Романовыхъ. Изъ пяти братьевъ, богатырей и красавцевъ, только двое выжили; остальные погибли въ изморѣ и въ пыткахъ. Отецъ перваго царя Михаила Ѳеодоровича, Ѳедоръ Никитичъ началъ свою службу при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и въ 1586 году былъ бояриномъ и намѣстникомъ Нижегородскимъ. Въ 1599 году Ѳедоръ Никитичъ по приказанію Годунова былъ разлученъ съ женою и дѣтьми и заключенъ въ тюрьму. Около года въ его присутствіи пытали слугъ и наконецъ въ 1601 году сослали подъ строгій надзоръ въ Сійскій монастырь, лежавшій среди пустынныхъ лѣсовъ и болотъ къ сѣверу отъ Архангельска. Тамъ его постригли насильно подъ именемъ Филарета и заключили въ подземной кельѣ рядомъ съ погребами, поручивъ надзору приставовъ. Лжедимитрій освободилъ Филарета изъ ссылки, а Шуйскій назначилъ его митрополитомъ Ростовскимъ. Въ этомъ санѣ Филаретъ содѣйствовалъ царю въ сборѣ даточныхъ людей противъ Тушинскаго вора. По взятіи Ростова поляками Филаретъ былъ схваченъ въ церкви, поруганъ и заключенъ подъ стражу въ Тушинѣ. Герой Михаилъ Скопинъ-Шуйскій отбилъ его у поляковъ и Филаретъ, возвратившись въ Москву, присягнувшую уже польскому королевичу Владиславу, былъ посланъ во главѣ посольства къ Сигизмунду; послѣдній задержалъ его, подвергая различнымъ лишеніямъ, и только при размѣнѣ плѣнниковъ послѣ 9-тилѣтней неволи Филаретъ возвратился въ Москву, торжественно былъ принятъ обрадованнымъ сыномъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, 21 іюня 1619 г. возведенъ на престолъ патріаршій и сталъ принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ государства.

Къ боярину Михаилу Никитичу царь Борисъ отнесся куда суровѣй. Онъ сослалъ его въ Пермскую землю, въ дикій семидворовый посадъ Ныропъ. Ѣхалъ Михаилъ Никитичъ въ крытой колымагѣ, ѣхалъ нѣсколько мѣсяцевъ, подъ крѣпкой стрѣлецкой стражей. Боялись, что этотъ богатырь и силачъ убѣжитъ, и заковали его въ тяжелыя, трехпудовыя цѣпи. Пріѣхали поздней осенью въ Ныропъ. Уже затвердѣвала земля подъ первымъ морознымъ дыханіемъ. Куда помѣстить важнаго плѣнника, обвиненнаго годуновскими шпіонами въ государевой измѣнѣ? Кругомъ пустыня, а избенки, что были въ Ныропѣ,—худой кладки: такой богатырь, какъ Михаилъ Никитичъ, по бревнышкамъ все разобралъ бы. Вотъ стрѣлецкій приставъ Тушинъ рѣшилъ закопать своего узника въ яму. Живьемъ

схоронить! Вывели скованнаго боярина изъ колымаги, отпрягли лошадей и стали рыть мерзлую землю. Зрѣлище готовящейся ему страшной могилы такъ потрясло Михаила Никитича, такъ все забунтовало въ немъ, что онъ схватилъ громоздкую колымагу и отбросилъ ее на нѣсколько саженей... А къ вечеру яма была готова. Тушинъ приказалъ еще надежнѣй сковать плѣнника: его тяжелый ошейникъ запирался мудренымъ десятифунтовымъ замкомъ, сзади шла отъ ошейника длинная цѣпь. Могила готова. Опустили Михаила Никитича. Перекрыли яму толстыми дубовыми досками, крѣпко сковали ихъ и засыпали землею. Лишь въ центрѣ оставлена была отдушина. Свободно пролѣзала рука. Сквозь это отверстіе проходила снизу отъ ошейника цѣпь. Кузнецы приковали ее къ доскамъ. Такимъ образомъ бѣгство Михаила Никитича было бы чудомъ. И днемъ, и ночью дежурилъ у могилы нарядъ стрѣльцовъ. Въ отдушину опускали узнику хлѣбъ и воду въ глиняномъ кувшинчикѣ. Сначала оттуда, изъ этой живой могилы, ничего не было слышно, кромѣ лязга цѣпей. А потомъ стало глухо доноситься протяжное пѣніе псалмовъ и молитвъ, которыми узникъ услаждалъ свое суровое заточеніе. Посадскіе люди, не взирая на отгонявшіе ихъ стрѣлецкія алебарды и приклады пищалей, сбѣгались слушать пѣснопѣніе знатнаго, вельможнаго боярина, волею царскою низведеннаго на степень цѣпной собаки; да и собакѣ есть гдѣ побѣгать, а Михаилъ Никитичъ, при своемъ исполинскомъ ростѣ, не могъ даже выпрямиться въ своей ямѣ. Вѣсть о необычномъ заточникѣ росла и бѣжала дальше изъ Нырпа, по дикой Пермяцкой землѣ. И единодушно укрѣпилось за нимъ имя Страдальца. Приставъ Тушинъ получилъ отъ Годунова тайный приказъ уморить Михаила Никитича голодомъ. Все рѣже и рѣже бросались въ яму куски черстваго хлѣба. И жадно прислушивались тушинскіе приспѣшники: не замеръ ли тамъ, внизу, въ страдной ямѣ звонъ тяжелыхъ цѣпей? Но не только звенѣли цѣпи. но и гудѣло оттуда глухое, рыдающее церковное пѣніе... Такъ прошелъ годъ. Ни голодъ, ни отсутствіе воздуха, ни трехпудовыя цѣпи, въѣвшіяся въ тѣло,—ничто не могло сломать богатырской натуры боярина. Кромѣ того посадскіе, видѣвшіе въ немъ мученика, ухитрялись обманомъ для сторожей снабжать его пищей. Дѣло въ томъ, что Тушинъ разрѣшилъ жителямъ всячески донимать плѣнника: бросать въ него полѣньями, щепками, навозомъ. Но никто этимъ правомъ не пользовался. Наоборотъ! Отцы учили дѣтей: „Вы бы, ребята, покормили страдальца. Возьмите большую дудку, хлѣба туда по кусочкамъ напихайте, какъ будто бы дразнючись, кидайте въ яму... Такъ и дѣлали. Въ дудкахъ, въ выдолбленныхъ полѣньяхъ умудрялись подавать плѣннику не только хлѣбъ и мясо, но даже молоко и квасъ. Однажды стрѣльцами было все это раскрыто. Дѣтей высѣкли, а отцовъ въ крѣпкихъ оковахъ отправили въ московскій приказъ. Тамъ ихъ и запытали до смерти...

Удвоили стражу и, подъ страхомъ казни, къ могилѣ никто даже

близко не смѣлъ подойти. Всякое общеніе плѣнника съ внѣшнимъ міромъ было прервано. Ничья рука не опускалась въ отдушину съ хлѣбомъ... Все тише и рѣже звенѣли цѣпи... Все слабѣе и надорваннѣе звучали церковные напѣвы... А разъ и совсѣмъ стихли... Врагъ царя Бориса былъ не страшенъ больше... Тѣло страдальца было предано землѣ при ныропской церкви. Черезъ нѣсколько лѣтъ на престолѣ сидѣлъ Дмитрій Самозванецъ. Онъ приказалъ перевезти прахъ Михаила Никитича въ Москву, въ Новоспасскій монастырь. въ усыпальницу бояръ Романовыхъ. Ныропцы не хотѣли отдавать гробъ, и тѣло страдальца увезли отъ нихъ силою, а вмѣстѣ съ гробомъ увезли часть цѣпей. Другая, бо́льшая часть этихъ чудовищныхъ оковъ осталась въ Ныропѣ при Богоявленской церкви. Яма, въ которой томился страдалецъ, сохранилась и по сей день. Надъ нею стоитъ часовня. А сбоку изъ почвы прорытъ ходъ въ эту живую могилу. Богомольцы покланяются ей и уносятъ оттуда въ зашитыхъ ладанкахъ землю. Эти же богомольцы даютъ обѣтъ простоять церковную службу въ цѣпяхъ Михаила Никитича, какъ въ веригахъ. Память о страдальцѣ прочно и крѣпко живетъ въ пермяцкомъ народѣ. Онъ вѣритъ, что рано или поздно мощи Михаила Никитича вернутся къ нему въ Ныропъ".

Монологъ инокини Марѳы.

(Вдова Іоанна IV, царица Марія изъ рода Нагихъ, въ иночествѣ Марѳа).

Четырнадцать минуло долгихъ лѣтъ
Со дня, какъ ты, мой сынъ, мой ангелъ Божій,
Димитрій мой, упалъ, окровавленный,
И на моихъ рукахъ послѣдній вздохъ
Свой испустилъ, какъ голубь, трепеща!
Четырнадцать я лѣтъ все плачу, плачу,
И выплакать горючихъ слезъ моихъ
Я не могу. Дитя мое, Димитрій!
Доколь дышу, все плакать, плакать буду
И клясть убійцу твоего! Онъ ждетъ,
Чтобъ крестнымъ цѣлованьемъ смерть твою
Я предъ народомъ русскимъ утвердила,—
Но кто-бъ ни былъ невѣдомый твой мститель,
Идущій на Бориса, да хранитъ
Его Господь! Я ни единымъ словомъ
Не обличу его! Лгать буду я!
Моимъ его я сыномъ буду звать!
Кто-бъ ни былъ онъ,—онъ врагъ тебѣ, убійца:
Онъ мнѣ союзникъ будетъ! Торжество

Небесныя ему пошлите силы,
Его полки ведите на Москву!
Иди, иди, каратель Годунова!
Сорви съ него украденный вѣнецъ!
Низринь его! Попри его ногами!
Чтобъ онъ, какъ звѣрь, во прахѣ издыхая,
Тотъ вспомнилъ день, когда въ мое дитя
Онъ ножъ вонзилъ! Но слышатся шаги—
Идутъ! Меня забила дрожь, и холодъ
Проникнулъ въ мозгъ моихъ костей—то онъ!
Убійца тутъ,—онъ близко... Матерь Божья!
Дай мнѣ владѣть собой! Притворствомъ сердце
Исполни мнѣ; изгладь печаль съ лица;
Перероди меня; содѣлай схожей
Коварствомъ съ нимъ, чтобъ на моихъ чертахъ
Изобразить сумѣла бы я радость
О мнимомъ сынѣ, возвращенномъ мнѣ!

(Борисъ Годуновъ и его жена напрасно уговариваютъ инокиню Марѳу оповѣстить народъ, что царевичъ Дмитрій убился въ Угличѣ: Марѳа твердо рѣшилась признать самозванца своимъ сыномъ).

Ушли—и жало жгучее уносятъ
Въ своихъ сердцахъ. Я ранила ихъ на смерть,
Я, Дмитріева мать! Теперь ихъ дни
Отравлены! Безъ сна имъ будутъ ночи!
Лишь отъ меня спасенія онъ ждалъ—
Я не спасу его! Пусть занесенный
Топоръ падетъ на голову ему!
Прости, мой сынъ, что именемъ твоимъ
Я буду звать безвѣстнаго бродягу!
Чтобъ отомстить злодѣю твоему,
На твой престолъ онъ долженъ сѣсть, вѣнецъ твой
Надѣнетъ онъ; въ твой теремъ онъ войдетъ;
Нарядится онъ въ золото и жемчугъ,—
А ты, мой сынъ, мое дитя, межъ тѣмъ
Въ сырой землѣ ждать будешь воскресенья,
Во гробикѣ! О, Господи! Послѣдній
Ребенокъ нищаго на Божьемъ солнцѣ
Воленъ играть,—ты-жъ, для вѣнца рожденный,
Лежишь во тьмѣ и холодѣ!.. Не время
Твои пресѣкло дни! Ты могъ бы жить!
Ты выросъ бы! На славу всей земли

Ты-бъ царствовалъ теперь! Но ты убитъ!
Убитъ мой сынъ! Убитъ, убитъ мой Дмитрій!
(Падаетъ на землю и рыдаетъ).

А. Толстой.

Царица Марья

(въ иночествѣ Мароа).

(Келья Вознесенскаго монастыря въ Москвѣ).

Грѣшна, грѣшна въ одномъ я предъ тобой,
Родная Русь! и въ тишинѣ ночной
Я въ томъ грѣхѣ и каюсь, и молюсь.
Скончался царь (Іоаннъ IV Грозный)...
Хотѣли-было наши доброхоты
Царемъ московскимъ выбрать сына, Митю;
Но злой Борисъ взялъ верхъ и насъ сослалъ,
Подальше отъ Москвы, на Волгу, въ Угличъ.
Тамъ отдохнула тѣломъ и душой
Я во вдовствѣ отъ нашей горькой жизни.
Тамъ жили мы спокойно, вдалекѣ
Отъ своевластья хитраго Бориса.
Мой Митя росъ. Наслѣдникомъ престола
Считался онъ; народныя надежды
Покоились увѣренно на немъ.
Но втайнѣ посягалъ на тронъ московскій
Другой наслѣдникъ, соправитель царства,
Всевластный, хитрый, злобный временщикъ.
Онъ ловко велъ задуманное дѣло
И расчищалъ себѣ къ престолу путь.
Одинъ лишь сынъ мой былъ ему помѣхой
Въ коварныхъ, тайныхъ замыслахъ его,
И подослалъ онъ къ намъ убійцъ наемныхъ,
Чтобъ разомъ съ нимъ покончить навсегда.
О, страшный день! день скорби и печали!
Зарѣзанъ былъ мой сынъ средь бѣла дня,
На смерть къ убійцамъ выведенный мамкой.
Ужасный часъ! Въ крови, въ предсмертныхъ корчахъ
Онъ бился страшно на моихъ рукахъ,
И взоръ его, прощаясь со мною,
Мнѣ скорбью жгучей сердце обжигалъ.
Все тише, тише... замирали стоны...
Смыкались очи... вытянулась длань...

Послѣдній вздохъ... Еще одно движенье...
И онъ затихъ въ объятіи моемъ.
Съ слезой моей мѣшалась кровь родная,
Стекавшая широкою струей.
Застыла я... Но вдругъ заклокотало
Въ моей груди, и съ ношей дорогой
Я ринулася, съ воплемъ, призывая
Ко мнѣ народъ, мнѣ близкихъ угличанъ;
Звонилъ набатъ; сбѣгались горожане;
Схвативъ убійцъ и сотворивъ надъ ними
Народный судъ, ихъ жалкіе остатки
Они на площадь злобно повлекли.
Дитя мое! Моя надежда, радость!
Погибло ты въ расцвѣтѣ юныхъ лѣтъ
За то, что жизнь твоя была помѣхой
Вступить Борису на желанный тронъ.
И онъ же насъ дерзнулъ всѣхъ обвинить
Въ народномъ бунтѣ противъ царской власти
И въ гибели напрасной слугъ его.
Моихъ родныхъ, народъ, со мной рыдавшій
И палачей наемныхъ растерзавшій,
Онъ, какъ мятежниковъ, кого казнилъ,
Кого сослалъ; меня же, мать родную
Убитаго невиннаго младенца,
Съ его могилой даже разлучилъ,
Постригъ насильно и сослалъ на Выксу
Въ убогій, дальній женскій монастырь.
Грѣшна, грѣшна. Не думала я тамъ
Ни о грѣхахъ моей минувшей жизни,
Ни о трудахъ въ молитвѣ и постѣ—
Но лишь о мщеньи. Всѣ Господни кары
Я день и ночь, въ тиши уединенья,
Все призывала на главу того,
Кто былъ убійцей сына дорогого,
Единой въ жизни радости моей.
Съ какимъ злорадствомъ и съ какой усладой
Я слушала извѣстія о томъ,
Что сына тѣнь въ народѣ воскресала,
Что самъ Борисъ трепещетъ передъ ней.
Въ глухую ночь, въ нашъ дальній монастырь
Его гонцы явилися за мною
И повезли меня къ нему въ Москву,
Въ его дворецъ, въ Кремлѣ имъ возведенный.

Тамъ самъ Борисъ, съ участіемъ притворнымъ,
Въ ночную тишь допрашивалъ меня:
Убитъ ли сынъ мой? умеръ или живъ?
И почему народная молва
Его живымъ до этихъ поръ считаетъ?
Хоть знала я, что сынъ мой былъ зарѣзанъ,
Что умеръ онъ въ объятіяхъ моихъ.
Но не хотѣла истины повѣдать
Передъ моимъ трепещущимъ врагомъ.
„Не знаю“—отвѣчала я и злобно,
И радостно глядѣла, какъ Борисъ
Отъ словъ моихъ позеленѣлъ, затрясся
И голову безсильно опустилъ.
Его жена, исчадіе Малюты,
Достойная позорнаго отца,
Рванулась съ мѣста и въ безсильной злобѣ.
Схвативъ съ стола горящую свѣчу,
Швырнула мнѣ съ проклятіемъ въ лицо.
Вздрогнула я, но медленно и твердо
Промолвила на новый ихъ допросъ,
Что сына мертвымъ я ужъ не видала,
Но слышала отъ близкихъ мнѣ людей,
Что онъ спасенъ, и гдѣ теперь—не знаю.
О, какъ довольна я была тогда!
Какъ месть моя во мнѣ торжествовала.
Не вѣдала въ грѣховной слѣпотѣ,
На комъ та месть сторицей отзовется.
Хотя меня, вернувши въ монастырь,
Тяжелому подвергли заточенью,
Но я воскресла. Месть моя достигла
Желанной цѣли. О, съ какой отрадой
Я слушала всѣ радостныя вѣсти,
Что сдохъ Борисъ, сраженный грозной тѣнью,
Что сынъ его погибъ ужасной смертью,
Что мать его, какъ кошку, задушили.
Но часъ насталъ и для меня тяжелый,
Когда ко мнѣ явилися послы
И звали съ честью на свиданье съ сыномъ.
Съ какимъ? Мой сынъ? Вѣдь помню твердо я,
Что сынъ мой Дмитрій много лѣтъ назадъ
Убитъ, зарѣзанъ, на моихъ рукахъ
Тогда скончался. Кто же этотъ дерзкій,
Который смѣлъ то имя дорогое

Взять изъ могилы и, прикрывшись имъ,
Отнять престолъ московскій у Бориса?
Смущенная сидѣла въ кельѣ я
Въ монастырѣ Покровскомъ, подъ Москвою,
И ожидала тайнаго свиданья
Съ невѣдомымъ мнѣ мстителемъ моимъ.
Онъ ловокъ былъ. Не сталъ онъ притворяться
И надо мной глумиться не дерзнулъ:
Онъ истину повѣдалъ откровенно
И предложилъ: или признать его
За Дмитрія, спасеннаго отъ смерти,
И, окруженной нѣжною заботой,
Какъ матери московскаго царя,
Въ довольствѣ провести остатокъ жизни,—
Или не выйти болѣе живой
Изъ этой кельи. Онъ же, огорченный,
Повѣдаетъ народу своему,
Что умерла я въ радости внезапной
Свиданья съ сыномъ. И грѣшна, грѣшна—
Я согласилась. Послѣ, всенародно,
Когда мы свидѣлись въ селѣ Тайнинскомъ,
Онъ бросился при всѣхъ въ мои объятья
И зарыдалъ. Заплакала и я —
Но не о немъ, мнѣ чуждомъ, а о сынѣ,
Давно зарытомъ Дмитріи моемъ.
Онъ былъ почтителенъ, и добръ, и нѣженъ:
Онъ ежедневно посѣщалъ меня;
Онъ дорожилъ моимъ благословеньемъ—
И примирилась съ жизнью я своей.
Потомъ... потомъ онъ, радостный, привезъ
И помѣстилъ со мной въ монастырѣ
Свою невѣсту, польку-иновѣрку.
Потомъ женился... пировалъ... гулялъ...
Поцарствовалъ—и, наконецъ, жестоко
За свой обманъ недолгій поплатился.
Не позабыть мнѣ тотъ весенній день.
Набатъ... пальба... тревога... бунтъ... смятенье...
Пришли за мной и вызвали къ воротамъ.
Тамъ предо мной, среди толпы, въ грязи,
Въ лохмотьяхъ рваныхъ, съ дудкою во рту,
Истерзанный, обвязанный веревкой,
Лежалъ его похолодѣвшій трупъ.
Тамъ, на вопросъ передъ судомъ народнымъ,

Я не могла скрыть правды роковой
И отвѣчала, осѣнясь крестомъ:
— „Не мой“.—Не мой... Зачѣмъ объ этомъ раньше
Я не сказала тамъ, когда Борисъ
Чинилъ допросъ мнѣ во дворцѣ кремлевскомъ?
Зачѣмъ? зачѣмъ? О, сколько слезъ и крови
Не пролилось тогда бы на Руси!...
Теперь во мнѣ давно затихла злоба,
Теперь давно готовлюсь къ смерти я;
Но страшныя минувшаго дѣянья:
Крамолы, смуты, поруганья храмовъ,
Пожары, казни, море слезъ и крови,
Родной страны губительный разгромъ—
Все помню я! и въ глубинѣ души
Мнѣ совѣсть неустанно повторяетъ:
„Вотъ твои жертвы, вотъ на комъ твой гнѣвъ
И мщеніе твое отозвалися!“
Грѣшна, грѣшна я въ томъ передъ тобой,
Родная Русь! и въ тишинѣ ночной
Въ грѣхѣ томъ тяжкомъ каюсь и молюсь.

Навроцкій.

„Царица Марья изъ рода Нагихъ была пострижена насильно въ г. Угличѣ подъ именемъ Марѳы и сослана въ Никольскій женскій монастырь на р. Выксѣ въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Дмитрій Самозванецъ помѣстилъ ее въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ въ московскомъ Кремлѣ, гдѣ она умерла и погребена. Въ кроваво-красной церкви „Дмитрія на крови“, построенной въ Угличѣ на мѣстѣ, гдѣ царевичъ Дмитрій палъ подъ ножомъ убійцъ, находится икона Св. Дмитрія съ вдѣланными въ нее четырьмя орѣхами, которые находились въ рукѣ царевича во время его убіенія. Въ Преображенскомъ соборѣ хранится гробница царевича, въ которой покоились его мощи до перенесенія ихъ въ Москву“.

Монологи Бориса Годунова.

(Послѣ вѣнчанія на царство).

Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ я
Держу бразды русійскія державы!
Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ—
И побѣдилъ! Кто можетъ осудить

Меня теперь, что не прямой дорогой
Я къ цѣли шелъ? Кто упрекнетъ меня,
Что чистотой души не усумнился
Я за Руси величье заплатить?
Кто, вспомня Русь царя Ивана, нынѣ
Проклятіе за то бы мнѣ изрекъ,
Что для ея защиты и спасенья
Не пожалѣлъ ребенка я отдать
Единаго? Мнѣ на душу не разъ
Ложилось камнемъ темное то дѣло,
И думалъ я: что если не достигну,
Чего хочу? Что̀ если грѣхъ тотъ даромъ
Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
Не выдала! Я съ совѣстію счеты
Сегодня свелъ—и не боюсь поставить
Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
Могу теперь идти стезею чистой!
Прочь отъ меня притворство и обманъ!
Чрезъ пропасти и смрадныя болота
Къ престолу днесь меня приведшій мостъ
Ломаю я! Разорвана отнынѣ
Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
Кромѣшной тьмы, сіяетъ солнце снова
И держитъ скиптръ для правды и до̀бра
Лишь царь Борисъ—нѣтъ болѣ Годунова!

А. Толстой.

(Тяжкое душевное состояніе Годунова въ концѣ царствованія).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ моей душѣ.
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.

Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть—
Такъ здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Пушкинъ.

(Годуновъ узнаетъ отъ Шуйскаго о появленіи въ Польшѣ самозванца).

Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду

Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего-жъ я испугался?
На призракъ сей—подуй и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха,
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

Пушкинъ.

(Годуновъ рѣшается безпощадно казнить своихъ враговъ—бояръ).

„Убитъ, но живъ!“ Свершилось предсказанье!
Загадка разъяснилася: мой врагъ
Всталъ на меня изъ гроба грозной тѣнью!
Я ждалъ невзгодъ; возможныя всѣ бѣды
Предусмотрѣлъ: войну, и моръ, и голодъ,
И мятежи—и всѣмъ имъ дать отпоръ
Я былъ готовъ. Но чтобъ воскресъ убитый—
Я ждать не могъ! Меня безъ обороны
Засталъ ударъ. Державнымъ кораблемъ
Въ моей спокойной управляя силѣ,
Я въ ясный день на бѣгъ его глядѣлъ.
Вдругъ грянулъ громъ. Съ налету взрыла буря
Морскую гладь—крутитъ и ломитъ древо,
И парусъ рветъ... Не время разбирать,
Чей небо грѣхъ крушеніемъ караетъ,—
Долгъ кормчаго скорѣй спасти корабль!
Бѣда грозитъ—рубить я долженъ снасти!
Нѣтъ выбора—прошла пора медленій
И кротости! Кто врагъ царю Борису—
Тотъ царству врагъ! Пощады никому!
Казнь кличетъ казнь—власть требовала жертвъ—
И первыхъ кровь чтобъ не лилася даромъ,
Топоръ все вновь подъемлется къ ударамъ!

А. Толстой.

(Ночное видѣніе Бориса Годунова).

„Убитъ, но живъ!“
Меня съ одра все тотъ же призракъ гонитъ.
Даны часы покоя всякой твари:
Растеніе и то покой находитъ,
Въ росѣ купая пыльные листы!
Такъ быть нельзя. Чтобы вести борьбу,
Я разумомъ владѣть свободнымъ долженъ.
Мнѣ нуженъ сонъ. Не можетъ безъ наклада
Никто вращать въ себѣ, и день и ночь,
Все ту же мысль. И жерновъ изотрется,
Кружась безъ отдыха... „Убитъ, но живъ!“
Я совершилъ безъ пользы преступленье!
Проклятья даромъ на себя навлекъ!
Когда судьбой такъ былъ обманутъ я
Когда онъ живъ; зачѣмъ же я, какъ Каинъ,
Брожу теперь? Безвинностью моей
Я заплатилъ за эту смерть—душою
Ее купилъ! Я требую, чтобъ торгъ
Исполненъ былъ! Я честно отдалъ плату—
Такъ пусть же мой противникъ вправду сгинетъ,
Иль пусть опять безвиненъ буду я!

(Осматривается).

Куда зашелъ я? Это тотъ престолъ,
Гдѣ, въ день вѣнчанья моего, я въ блескѣ
Невиданномъ дотолѣ возсѣдалъ!
Онъ мой еще! Съ помазанной главы
Тѣнь не сорветъ вѣнца!

(Подходитъ и отступаетъ въ ужасѣ).

Престолъ мой занятъ!

(Приходитъ въ себя).

Нѣтъ, это тамъ играетъ лунный лучъ!..
Безумный бредъ! Все та же мысль! Рожденье
Безсонницы! Но нѣтъ—я точно вижу:
Вновь что-то тамъ колеблется какъ дымъ,
Сгущается—и образомъ стать хочетъ!
Ты—ты! Я знаю, чѣмъ ты хочешь стать;
Сгинь! Пропади!

А. Толстой.

Смерть Бориса Годунова.

Царь.

Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются).
Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ, сейчасъ
Ты царствовать начнешь... О, Боже! Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую, мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ надлежало-бъ;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ.
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ:
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала:
Но ты, младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ Думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;

Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить: тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды:
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская;
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому:
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ:
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость!
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳедоръ (на колѣняхъ).

Нѣтъ, нѣтъ—живи и царствуй долговѣчно!
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ.

(Входитъ патріархъ, святители, за ними бояре. Царицу ведутъ подъ руки, царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А схима!.. такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыко патріархъ!

Я царь еще. Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Оеодору... Басмановъ,
Друзья мои!.. при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ,
Клянетесь ли?

Бояре.

Клянемся.

Царь.

Я доволенъ.
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣхи,
И вольныя и тайныя обиды.
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

Пушкинъ.

Монологъ Лжедимитрія I.

(Въ Золотой палатѣ Кремлевскаго дворца).

Такъ вотъ она—палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный
Пріютъ царей! По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Такъ прочно все, такое вѣковое!...

Сиротливо

Въ душѣ моей! Расписанные своды
Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ,
Не родственно, таинственные лики
Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ...
Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень,
Святымъ письмомъ расписанный, ты гонишь,
Ты трепетомъ мою обвѣялъ душу—
Я здѣсь чужой! Сюда безъ страха входятъ
Отшельники святые только или
Московскіе законные цари...
Гляжу и жду, что съ низенькаго трона
Сухой старикъ, съ орлиными глазами,
Поднимется и взглянетъ грозно... грозно
И зазвучитъ подъ сводами глухими

Презрительно-насмѣшливая рѣчь:
„Зачѣмъ ты здѣсь? Столѣтними трудами
И бранями потомство Мономаха
Среди лѣсовъ Сарматіи холодной
Поставило и утвердило тронъ,
Блистающій нетлѣнными вѣнцами
Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,
Окутанный одеждой херувимской
Святителей и чудотворцевъ русскихъ,—
Гремящій тронъ! Кругомъ его подножья
Толпы князей, склоненныя, трепещутъ
Въ молчаніи... Бродяга безбородый!
Легко тебѣ, взлелѣянному смутой,
Внесенному бурливыми волнами
Бунтующей Украйны въ сердце Руси,
Подъятому преступными руками
Бояръ крамольныхъ, влѣзть на опустѣлый
Московскій тронъ съ казацкаго сѣдла:
Вскочить легко, но усидѣть попробуй!
Отецъ названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твои бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ: на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица;
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство
Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ—
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ; а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вспоенный,
Царемъ рожденъ?
Какъ сонъ припоминаю,

Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ, какъ огонь;
И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто же я?.. Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви иль прихоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ; войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа—побѣдъ, коронъ я жажду,
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы,
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ—
Губить и мучить: я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ—
Прощать и миловать. Я обѣщаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный маіестатъ.

Островскій.

Вслѣдствіе неясности и разнорѣчія источниковъ о Лжедимитріи I еще до сихъ поръ достовѣрно не опредѣлена его личность. Съ одной стороны несомнѣнно извѣстно, что истинный царевичъ Дмитрій убитъ въ Угличѣ, а съ другой—все поведеніе Лжедимитрія въ Москвѣ на престолѣ показываетъ, что онъ былъ убѣжденъ въ своемъ царскомъ происхожденіи и считалъ себя законнымъ царемъ. Вотъ почему теперь думаютъ, „что Лжедимитрій былъ лицо обольщенное и подготовленное боярами, партіею враждебною Годунову. Люди этой партіи настропли пылкаго, увлекающагося юношу въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Дмитрій, спасенный въ младенчествѣ, и выпроводили его изъ московскаго государства. Бояре, конечно, не желали замѣнить родъ Бориса навсегда этимъ поддѣльнымъ Дмитріемъ; но имъ достаточно было поставить Годуновымъ страшное знамя, подъ которое можно было соединить противъ нихъ народную громаду и ниспровергнуть родъ Годуновыхъ съ престола, а потомъ можно было обличить самозванца, выставить его обманщикомъ, сознаться въ своемъ заблужденіи, уничтожить его. Но дѣло будетъ совершено. Бориса и рода его не будетъ на престолѣ, а это главное. Родовитость русская слишкомъ оскорблялась тѣмъ, что на престолъ взошла фамилія незнатная, даже не чисто русской, а татарской крови. Это было черезчуръ унизительно и для національной чести“.

Димитрій Самозванецъ.

Димитрій.

Мы здѣсь одни. Я жду твоихъ велѣній.

Марѳа.

Свой монастырь и кельи тихій кровъ
Отшельница оставила не даромъ.
Я съ просьбою великой...

Димитрій.

Говори.

Марѳа.

О, далеки отъ страждущаго сердца
Весь дольній міръ и громъ его суетъ.
Земная жизнь ужъ кончилась для Марѳы:
Печальная вдовица погребла
Всѣ радости, надежды и отрады
Въ могилѣ той, гдѣ спитъ кровавый трупъ,
Младенца трупъ—Димитрій мой.

Димитрій.

Царица.
Онъ живъ во мнѣ.

Марѳа.

Оставь: мнѣ тяжело!
Тамъ, за стѣной, въ затворѣ молчаливомъ,
Гдѣ свѣта шумъ безвѣстенъ и забытъ,
Промчалась вѣсть ужасная, что Шуйскій
Насъ обличалъ въ обманѣ, что его
Приговорилъ ты къ смерти. Правда-ль?

Димитрій.

Правда.

Марѳа.

Прости его. Когда безчеловѣчный
Борисъ убилъ младенца моего—

(О, Боже мой! на душу Годунова
Излей весь гнѣвъ, все мщеніе свое!)
Князь Шуйскій...

Димитрій.

Скрылъ убійцу отъ законовъ.

Марѳа.

Преступника не могъ онъ наказать.
Довѣріемъ и даже властью царской
Владѣлъ Борисъ. Отъ горести моей
Бѣжали всѣ со страхомъ и презрѣньемъ;
Но Шуйскій князь въ растерзанную грудь
Пролилъ елей духовныхъ утѣшеній:
Со мной одинъ горячею слезой,
Отрадною для горестнаго сердца,
Онъ обливалъ младенца ранній гробъ.
Прости его: о, будь великодушенъ!
Ты царствуешь, ты силенъ, ты счастливъ.

Димитрій.

Кто? я счастливъ? Да, я одѣтъ въ порфиру,
Передо мной толпится пышный дворъ...
Ха, ха, счастливъ! А тамъ, кругомъ волненье,
И заговоръ, и ропотъ, и ножи,
Остримые уликою безумной!
И вкругъ себя я долженъ собирать
Надменную дружину иноземцевъ,
Ея мечомъ и цѣнью устрашать
Родную Русь! Моя завидна участь!
Здѣсь, во дворцѣ, передъ лицомъ царя,
Пришелецъ, ляхъ осмѣлился... О, Боже!
И онъ живетъ еще! Передо мной
Безстыдный ляхъ москалями ругался!
Я чувствовалъ, что весь затрепеталъ,
Душа огнемъ и ядомъ наливалась:
Я могъ его убить, я могъ во прахъ
Его стоптать, спалить безумца громомъ—
И я стерпѣлъ, и долженъ былъ молчать.
А кто виной? Князь Шуйскій. Кто народу
Съ его царемъ борьбу готовить смѣлъ?
Кто? Шуйскій твой. Но онъ умретъ.

Марѳа.

Какъ страшенъ!

Димитрій.

Пусть всѣмъ другимъ я страшенъ—не тебѣ,
Царица-мать. Какъ сынъ всегда покорный,
Я воскрешу умершаго.

Марѳа.

О, нѣтъ!
Не отдаетъ усопшаго могила:
Ты вѣчно чуждъ для сердца моего,
Не воскресишь его. Нѣтъ! онъ былъ кротокъ,
Какъ день весны, какъ ангелы небесъ.
Въ его груди младенческой и нѣжной
Былъ огнь любви прекрасной, безмятежной,
Былъ тихій рай... и этотъ рай исчезъ.
Я—грѣшница—кого въ его порфиру
Я облекла? О, Боже мой!

Димитрій.

Кого?
Да—я не царскій сынъ; но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Но Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! Покойники во гробѣ
И крѣпко спятъ. Онъ мой! я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій,
И долгихъ думъ и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Марѳа.

О, царствуй долго, счастливо!

Димитрій.

Послушай!
Открыть обманъ иль Шуйскаго простить—
Почти одно.

Марѳа.

Ахъ, для меня, преступной
То лучше-бъ было. Вѣрь—и для тебя;
Обманъ тяжелъ, ужасенъ грѣхъ—и долго
Не процвѣтетъ неправда на землѣ.
Когда-бъ вѣнецъ ты скинулъ добровольно...

Димитрій.

О, перестань! Ты не поймешь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебѣ лишь злато и алмазъ; престолъ—
Комъ золота и камней; а порфира...
Что говорить? Ты не поймешь меня.
Вѣдь подвиги, и слава, и безсмертье—
Все для тебя невнятныя слова.
Но слушай: тамъ, за нынѣшней Россіей,
На югъ, далеко есть волшебный край,
Тамъ благодать степей широкихъ,
И рай земной въ ущеліяхъ долинъ,
И льются воды рѣкъ глубокихъ,
И свѣтелъ видъ морскихъ пучинъ;
Тамъ вьются лозы винограда
По скату горъ, въ тѣни густыхъ садовъ;
Тамъ людямъ жизнь и свѣтъ—отрада,
Тамъ неба сводъ безъ облаковъ.
И этотъ край—онъ былъ Россіей прежде.
Ты поняла-ль?

Марѳа.

Быть можетъ, поняла.

Димитрій.

Гляди туда, гдѣ странъ московскихъ грань!
Тамъ новый міръ, тамъ люди горды, смѣлы,
Въ сердцахъ огонь, а въ мысляхъ свѣтъ и жаръ;
Тамъ руки ихъ природу покоряютъ,
И небеса измѣрилъ хитрый взглядъ,
И города и села процвѣтаютъ,
И корабли моря переплываютъ,
И дышетъ медъ, и краски говорятъ...
Я оживлю свой Сѣверъ: грады, села
Я вызову изъ мертвой сей земли,

И свѣтъ наукъ, и блескъ художествъ дивный
Я разолью—и памятенъ вѣкамъ
Останется Димитрій.

Марѳа.

Онъ безуменъ!

Димитрій.

И это все отбросить!—Никогда!
Нѣтъ—онъ умретъ, опасный властолюбецъ!
Умретъ твой Шуйскій!

Марѳа.

О, внемли, внемли!
Невиненъ онъ: мы грѣшны передъ Богомъ!

Димитрій.

Господь проститъ.

Марѳа.

Нѣтъ, не проститъ меня!
Безумная, въ порывѣ мести жадной,
Паденію Борисовыхъ дѣтей
Я радоваться смѣла: предъ народомъ.
Передъ Творцомъ отъ сына отреклась.
Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ тяжко я страдаю,
Ты вѣдаешь, единый Царь сердецъ!
Бывало, я съ слезами говорила
О мертвецѣ—теперь молчать должна;
Мнѣ крикъ торжествъ гремитъ насмѣшкой злою,
Мнѣ говорятъ: „Ты счастливая мать“—
И я смѣюсь, а сердце кровью плачетъ.
О, вѣрь мнѣ, вѣрь! ужасна жизнь моя!
Отъ таинства святого покаянья
Преступница навѣкъ удалена.
Хочу молиться—страшно! Между мною
И алтаремъ, какъ тѣнь, обманъ стоитъ,
Упрекъ звучитъ въ словахъ церковныхъ пѣсенъ,
И колоколъ анаѳему гласитъ,
И душно мнѣ, и Божій храмъ мнѣ тѣсенъ,
И я бѣгу. О, ужасъ! отъ кого?
Отъ Бога! Ахъ! бывало, я вступала
Съ веселіемъ въ Его пресвѣтлый храмъ.

Тамъ для меня отрадой все дышало,
Такъ сладостно курился ѳиміамъ,
Передъ иконой Чистой Дѣвы
Такъ ярко теплился елей,
И стройно въ хоръ сливалися напѣвы,
И неба гласъ звучалъ въ груди моей.
И я тогда молилась сладко, сладко,
Молилася о сынѣ... и потомъ
Являлись мнѣ чудесныя видѣнья,
Являлся онъ, какъ ангелъ, предо мной;
И лились токи исцѣленья
Для ранъ души моей больной.
Бывало! Но теперь!—подумать страшно!—
И ночи мракъ, и образъ Пресвятой,
И звукъ молитвъ укоромъ безпрерывнымъ
Мой грѣшный духъ волнуютъ. Сны мои
Какихъ-то лицъ, какихъ-то гласовъ полны,
И слышу я: „отъ сына отреклась—
И отъ тебя онъ въ небѣ отречется".

Димитрій.

Мечты, однѣ мечты.

Марѳа (на колѣняхъ).

Прости, прости
Ты Шуйскаго, иль въ ссылку, въ городъ дальній
Его сошли, но крови не пролей!
Ужасна кровь невиннаго: я знаю—
Горящею рѣкой она течетъ
И духъ убійцъ уноситъ въ адъ! За гробомъ
Я сына не увижу никогда,
И въ небесахъ не встрѣчуся съ младенцемъ.
Прости, прости! Но ты неумолимъ.
Я плакала—и ты меня отвергнулъ;
Я унижалась—ты мнѣ не внималъ.
Теперь иду на площадь—и увидимъ,
Узнаетъ ли обманутый народъ
Стонъ матери и тяжкой скорби голосъ?
Прощай!

Димитрій.

Постой! не начинай борьбы:
Она была-бъ ужасна. Я исполню

Твои желанья. Близокъ казни часъ,
Но я пошлю преступнику пощаду.
Согласна-ль ты произнести обѣтъ,
Что никогда ты тайнѣ не измѣнишь,
Что никогда страдающей души
Передъ другимъ не выскажешь?

Марѳа.

Согласна.

Димитрій.

Что я твой сынъ отсель? Согласна-ль ты?
Клянешься?

Марѳа.

Да.

Димитрій.

Пойдемъ передъ икону.

Хомяковъ.

Монологъ Василія Шуйскаго.

А черезъ мѣсяцъ вся Москва—моя.
Безвѣстный царь, бродяга безымянный,
Душой полякъ, какъ дѣвка малодушенъ,
Какъ малолѣтокъ, падокъ на утѣхи,
Какъ скоморохъ, безъ разума проворенъ,
Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолка,—
Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ?
Не долго ждать, онъ прыть свою покажетъ,
И скоро людъ московскій, православный
Безчинія такого на престолѣ
Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
Забвенія отеческихъ преданій,
Кощунства иноземцевъ надъ святыней,
На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
Народъ не любитъ. Грозному Ивану
Народъ простилъ распутства, злодѣянья,
Мучительства безропотно стерпѣлъ—
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность

И набожность. Москва привыкла видѣть,
Какъ царь ея великій православный,
На высотѣ своей недостижимый,
Одной святынѣ молится съ народомъ,
Уставы церкви строгіе блюдетъ,
По праздникамъ духовно веселится,
А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ;
Но скомороха на престолѣ царскомъ
Терпѣть не станетъ! Рано или поздно
Бродяга, царь московскій, самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потомъ... потомъ... я—царь. Начнется снова
И благолѣпіе, и чинность, и порядокъ.
По-старому мы царствовать начнемъ,
По-старому въ день нашего вѣнчанья
По всей Руси, подъ колокольный звонъ,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякамъ будемъ,
Пугать татаръ; по-старому... бояться
Измѣнниковъ... волжбы и чародѣйства!
По-старому... боярская крамола!
О, Господи!.. измѣны да опалы
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться ихъ? Рожденному на тронѣ
Тяжка она—корона Мономаха!
А мнѣ рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть разъ владыкой,
Почувствовать, что между мной и Богомъ
Ни власти нѣтъ, ни силы! О!.. Какихъ же
Тревогъ, заботъ я побоюсь, какими
Крамолами во мнѣ смутится сердце!
Рѣшился я! Отнынѣ каждый помыслъ
И каждый шагъ ведутъ меня къ престолу;
Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
Добьюсь вѣнца. О, Господи! помилуй
Насъ, грѣшниковъ!

Островскій.

Гибель Лжедимитрія I.

Надъ Москвою
Заря полоской кровяною
Едва окрасила Востокъ,
Когда протяженъ и глубокъ
Забилъ набатъ... Москва проснулась
И съ крикомъ: „бей Литву!“ рванулась
Въ ворота мѣченныхъ домовъ,
Ища условленныхъ крестовъ.
Еще поляки не проснулись,
Какъ вдругъ широко распахнулись
Ворота Спасскія... Съ крестомъ
Въ одной рукѣ, въ другой—съ мечемъ,
Явился Шуйскій. Словно пламя,
Взвилось распущенное знамя.
Толпа рванулась въ Кремль. Межъ тѣмъ
Въ опочивальнѣ Димитрій спалъ; передъ зарею
Успѣлъ недавно онъ вздремнуть.
Всю ночь опять былъ пиръ-горою,
Послѣдній пиръ... Спокойно грудь
Дышала; и, улыбаясь въ сладкихъ снахъ,
Не чуялъ страшной онъ напасти;
Всѣ звуки грозные извнѣ
Едва до слуха доносились;
Но вдругъ уста его скривились,
Онъ заметался... Дикій стонъ
Марину чуть не потревожилъ...
Ужели онъ до бунта дожилъ?
—„Что это? Что? Набата звонъ?“
Онъ не ослышался!.. Пустое!..
Одѣвшись, онъ къ дверямъ бѣжитъ,
Гдѣ вѣрный мечникъ сторожитъ,
Но нѣтъ его!.. и на порогѣ
Басмановъ, блѣдный, какъ мертвецъ,
Вскричалъ ему, бросаясь въ ноги:
—„Ахти, намъ, государь... конецъ!..
Не вѣрилъ ты!.. мы всѣ пропали!..
Стрѣльцы за мной!..“—Дверь сорвали:
—„Ну, царь безвременный, проснись!..“
Димитрій крикнулъ: „Не Борисъ,

Я вамъ дался!..“—Окровавленный,
Басмановъ вѣрный у дверей,
Какъ левъ дрался, но палъ сраженный
Ножомъ Татищева. Звѣрей,
Разгоряченныхъ первой кровью,
Никто сдержать уже не могъ;
Самоотверженной любовью
Царю Басмановъ не помогъ,
И видитъ Дмитрій: нѣтъ спасенья,
Его ночная стража вся
Ужъ перебита. Внѣ терпѣнья,
Рыча, ругаясь, голося,
Въ Кремлѣ, ломая дверь за дверью,
Толпа за нимъ бѣжала вслѣдъ.
„Зачѣмъ поддался я довѣрью?“
Онъ бредилъ вслухъ: „Спасенья нѣтъ!
Марина!.. Съ ней проститься надо!..
Въ окно, что-ль, крикнуть?.. Сердце! Здрала!“ [1])
Тотъ страшный, тотъ предсмертный крикъ
Ужъ до Марины не достигъ.
Давно разбужена набатомъ,
Стрѣльбою, криками, всѣмъ адомъ,
Что носитъ имя мятежа,
Она, отъ ужаса дрожа,
Сбѣжала внизъ, но воротилась
При видѣ бѣшеныхъ стрѣльцовъ
И въ спальнѣ, какъ лиса, забилась
Отъ цѣлой своры злобныхъ псовъ.
Полуизрубленный Осмольскій
Едва держался у дверей—
Одинъ на всѣхъ. „Змѣенышъ польскій!..
Руби! Руби его!...“ При ней
Его на части разорвали.
Межъ тѣмъ Димитрія сыскали.
Спасаясь, прыгнулъ онъ въ окно...
Ему погибнуть суждено!
Онъ мать зоветъ... онъ помириться
Не хочетъ съ правдой... „Что же мать?“...
—„Да, слышь, его не хочетъ знать!“
—„Винится, что-ль, злодѣй?“
—„Винится!“

[1]) Измѣна.

„Стрѣляй въ него“. Итакъ, конецъ!..
Нѣтъ, нѣтъ еще! Вѣдь и мертвецъ
Очнуться можетъ: увлекаютъ
Распухшій трупъ за волоса
На площадь... крови полоса
За нимъ течетъ; его сажаютъ
На острый колъ. Но кто-то маску
Нашелъ въ покояхъ у него.
—„Давай сюда! Еще чего?..“
„А дудку въ ротъ!“ „Дуди! вѣдь пляску
Любилъ, небось!“ Ведутъ и мать.
—„Ну, говори: твой сынъ ли это?“
Но нѣтъ загадочнѣй отвѣта:
—„Теперь не мой!.. тогда бы звали,
Какъ былъ онъ живъ!“—
Трещитъ костеръ,
И жгутъ его, но онъ хитеръ,
Хитеръ волшебникъ, не сгораетъ,
И трупъ изъ пламя вынимаетъ
Толпа шальная, и опять
Въ огонь велитъ его бросать.
Костеръ смолою заливаютъ.
Теперь конецъ! Сгорѣлъ до тла...
Собрали пепелъ—пль зола
Воскреснуть можетъ?.. Набиваютъ
Золою пушку... заряжаютъ...
„Пали!!! Теперь ужъ не придетъ!“
Какъ знать!—вѣдь имя не умретъ.

Львова.

Григорій Отрепьевъ.

(Историческая пѣсня).

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ старомъ Симоновомъ монастырѣ:
Ужъ и въ этомъ монастырѣ много братіи жило,
Много братіи, все монахи, Богу вѣрные.
Что не знали всѣ монахи, чтобъ случилось съ ними то:
Оказался между ними одинъ невѣрный монахъ.
Ужъ и этотъ-то монахъ царю Богу измѣнилъ,
Царю Богу измѣнилъ, свою душу въ адъ пустилъ;

Какъ и вздумалось монаху злое дѣло сотворити,
Злое дѣло сотворити, свою душу погубити.
Какъ и выгнали монаха изъ святого монастыря:
„Ты поди, поди отъ насъ, недостоинъ жить у насъ!
„Поди вонъ изъ монастыря, и поди хочешь куды!“
Какъ и вышелъ-то Трепушкинъ изъ святого-то жилья,
Какъ ходилъ-то Григорій по большому городу,
Какъ и сказывалъ всему народу: Димитрій царь-атъ живъ,
Что Димитрій царь-атъ живъ, что онъ самъ-то онъ и былъ.
Обманувши весь народъ, боясь казни, онъ отъ нихъ
Удалился отъ Москвы во Польскія стороны,
Во Польскія стороны, ко вельможѣ къ сатаны.
Ужъ и взговоритъ ему вельможа:
„Ты скажи, скажи, дѣтина, отъ коей страны пришелъ,
„Отъ коей страны пришелъ, чьего роду-племени?“
— Я пришелъ отъ славной страны, отъ святой Руси,
Отъ святой Руси, у тебя помочи просить;
А родъ мой и племя Россійскій славный дворъ,
А отецъ мой былъ славный грозный царь Иванъ Васпльевичъ,
А матушка-то моя царица Настасья Романовна,
А я сынъ ихъ Димитрій, Россійскій князь.—
Какъ повѣрилъ-то вельможа его ложнымъ словамъ,
И призналъ его вельможа Россійскимъ царемъ,
И хотѣлъ отдать дочь свою Маринку замужъ за него,
И далъ ему вельможа въ помощь войска своего.
Получивши-то Трепушкинъ въ помощь войска отъ полякъ,
Онъ вступилъ-то съ польскимъ войскомъ во святую Русь;
А народъ-то безумный, устрашась войска его,
Устрашась войска его, призналъ его своимъ царемъ.
Ужъ немного-то Трепушкинъ поцарствовалъ въ Москвѣ:
Образумился народъ московскій,
Сталъ искать себѣ настоящаго царя;
Сыскали настоящаго царя Василія Ивановича,
А разбойника Гришку стали мучить и казнить;
Мучили, казнили, буйну голову съ плечъ срубили.

Гришка Отрепьевъ и Марина.

(Народная былина).

За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Спустилъ на насъ великъ-тяжкій грѣхъ,
Сослалъ намъ Боже прелестника,

Вора Гришку Разстрижку Отрепьева?
Назвался воръ-собака прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Угличкимъ;
Прельстилъ воръ-собака три земли:
Первова прельстилъ—короля въ Литвѣ,
Другова прельстилъ—землю Польскую,
Третье—сильно царство Московское.
Не успѣлъ воръ-собака воцаритися,
Похотѣлъ воръ-собака женитися:
Не у князя онъ беретъ, не у боярина,
Не у насъ на Руси, въ каменной Москвѣ,
Беретъ воръ-собака въ проклятой Литвѣ,
У Юрья пана Сандомирскаго,
Меньшую дочь его душеньку,
Душеньку Маринку дочь Юрьевну.
На вешній праздникъ въ Миколинъ день
Въ четвергъ у Разстрижки свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.
Стали благовѣстить къ заутренѣ
У святого Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
Бояре идутъ ко заутренѣ,
Ко святому Михайлу Архангелу,
А Гришка-Разстрижка съ Маринкою
Заводитъ законъ по-своему:
Идетъ онъ во мыльню-баенку,
Маринка—во умываленку;
Бояре Богу молятся,
А онъ во мыльнѣ моется,
Маринка—во умываленкѣ;
Бояре пошли отъ заутрени,
А Гришка-Разстрижка со мыльни идетъ,
Маринка—со чистой умываленки;
На немъ тулупъ восемьсотъ рублей,
На ней саянъ въ цѣлу тысячу.
Идетъ у Ивана Великаго,
Вскричитъ тутъ, взревѣтъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня звонарики?
Звоните въ набольшій колоколъ
Для-ради гостя дальняго,
Гостя дальняго, тестя любимаго“.

Всходитъ на крылечко красное,
Вскричитъ онъ, взреветъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня пушкарики?
Свезите снарядъ-пушки за городъ,
За тѣ ли ворота Серпуховскія:
Завтра у меня пиръ будетъ
Для-ради тестя любимаго“.
Вышелъ на крылечко на заднее,
Вскричитъ, взопитъ зычнымъ голосомъ:
„Есть ли у меня повары,
Мои батюшковы приспѣшнички?
Варите ѣству скоромную,
Варите другую—постную,
Скоромну ѣству—гуси, лебеди,
А постну ѣству—рыбу бѣлую:
Завтра у меня пиръ будетъ
Для-ради гостя любимаго,
Про Юрья папа Сандомирскаго“.
Скоромну ѣству самъ кушаетъ.
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честныя иконы подъ себя стелетъ,
А чудны кресты подъ пяты кладетъ.
Въ тѣ поры бояре домышлялися,
И думные дьяки догадалися,
Въ Боголюбовъ монастырь пометалися
Ко царицѣ Маѳѣ Матвѣевнѣ:
„Ай же ты, свѣтъ наша матушка,
Царица Маѳа Матвѣевна!
Прямой ли царь на царствѣ сидитъ,
Твое дитя порожденное,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ?
Все-то дѣлаетъ не по царскому:
Скоромну ѣству самъ кушаетъ,
А постну ѣству раздачей даетъ;
Честныя иконы подъ себя стелетъ,
А чудны кресты подъ пяты кладетъ“.
Царица Маѳа Матвѣевна
Заплакала горючьми слезьми,
Сама говоритъ таковы рѣчи:
„Глупы вы, бояре, недогадливы!
Вѣстимо Богу и всей землѣ:
Потеряно дитя мое любимое,
Царевичъ Димитрій Ивановичъ,

На Угличѣ отъ бояръ Годуновыихъ;
Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
У святого Михайла Архангела,
Гдѣ кладутся цари благовѣрные,
Благовѣрные, благочестивые;
У того ли у Ивана Великаго
Завсегда звонятъ во царь-колоколъ,
Соборны попы собираются,
Панихиды совершаютъ во праздники
За память младого царевича,
Царевича Димитрія Ивановича.
А это—Гришка Отрепьевъ сынъ,
Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
Заростилъ себѣ крестъ во бѣлы груди
И назвался, собака, прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Димитріемъ,
Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ;
Пріѣзжаетъ ко мнѣ съ угрозою,
Привозитъ наголо саблю острую,
Велитъ назвать своимъ сыномъ,
Княземъ Димитріемъ, царевичемъ Углицкимъ".
Какъ тутъ бояре догадалися,
И думные дьяки домышлялися;
Выбирали себѣ дьяка думнаго,
Того ли Петрушку Басманинова,
Посылаютъ въ палаты во царскія,
Велятъ говорить не съ упадкою:
„А ты помнишь ли, Гришка, памятуешь ли,
Вмѣстѣ грамотѣ съ тобой мы училися,
Во томъ монастырѣ во Чудовѣ?
Ты, Гришка, былъ чернымъ дьякономъ,
А я былъ на клиросѣ псаломщикомъ?"
Какъ тутъ Гришка-Разстрижка Отрепьевъ сынъ
Заглянулъ въ окно косящато:
Обступила сила кругомъ-вокругъ,
Несмѣтная сила со копьями.
Беретъ онъ книжку волшебную,
Волхвуетъ Гришка Отрепьевъ сынъ,
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
„Подѣлаю крыльица дьявольски,
Улечу теперь я дьяволомъ".
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицевъ—
Навалила вся сила несмѣтная,

Несмѣтная сила со копьями.
Видитъ Гришка бѣду неминучую,
Скоро скочитъ въ окошко косящато —
Да о каменья убился до смерти.
Только-то Гришка царемъ бывалъ,
Только-то Гришка и царствовалъ.
А та душенька Маринка дочь Юрьевна
Обернулась изъ окошка сорокою —
Только-то Маринку и видѣли.

Царевна Ксенія Годунова.

(Келья Суздальскаго монастыря).

Господи-Владыко! Сжалься надо мною!
Тяжко мнѣ на свѣтѣ, нѣтъ душѣ покоя.
Жизнь моя—страданье, годы скорбной муки;
Смерти, какъ отрады, жду я терпѣливо.
Помнится мнѣ дѣтство, дѣтство золотое...
Какъ меня любили, какъ меня ласкали,
Какъ меня лелѣялъ дорогой родитель.
О моемъ заботясь дѣвическомъ счастьи,
Мнѣ искалъ родимый жениха по сердцу,
Равнаго цареву званью иноземца.
Но женихъ мой первый, королевичъ свейскій,
Породниться съ нами не хотѣлъ по чести,
А второй, желанный, горячо любимый,
Королевичъ датскій умеръ, не дождавшись
Нашего вѣнчанья; умеръ онъ въ расцвѣтѣ
Красоты и силы—умерло съ нимъ вмѣстѣ
И мое дѣвичье холеное счастье.
Скоро мой родитель, въ думахъ и заботахъ
О своей державѣ, не болѣвъ, скончался.
На престолъ Московскій посадили Ѳедю,
Брата дорогого; но не долго, бѣдный,
Онъ царемъ всей Руси на Москвѣ считался.
На шестой недѣлѣ, въ часъ передъ вечерней,
Нашъ слуга надежный къ намъ вбѣжалъ въ испугѣ,
Съ криками:—„спасайтесь! во дворецъ ворвались
Слуги Самозванца, ищутъ васъ на гибель!“
Бросились мы въ страхѣ въ царскую палату,
На престолъ священный сѣлъ поспѣшно Ѳедя,

Я же и родная, въ руки взявъ иконы
И творя молитву, окрестъ брата стали.
Не спасла насъ грѣшныхъ Пресвятая Матерь!
Ворвались гурьбою наглые злодѣи
И съ престола Ѳедю силою стащили,
На позорныхъ клячахъ отвезли насъ вмѣстѣ
Въ прежнее жилище, гдѣ мы родились,
Гдѣ прошло въ забавахъ дорогое дѣтство.
Тамъ, во страхѣ вѣчномъ, въ строгомъ заточеньи,
День за днемъ мы скорбно время проводили,
Плакали, молились—и, готовясь къ смерти,
Участи рѣшенья нашей ожидали.
Помню день ужасный, страшный день невзгоды,
День насильной смерти дорогого брата
И моей несчастной матери родимой.
Ворвались стрѣльцы къ намъ пьяные и злые,
Развели съ глумленьемъ по покоямъ разнымъ;
Страшно стало, жутко—и съ мольбой упала
Я передъ иконой, простирая руки.
Плачу и молюся... Вдругъ раздались стоны,
Стоны и хрипѣнье—то въ опочивальнѣ
Пьяные злодѣи мать мою душили.
И съ конца другого крики доносились,
Шла борьба глухая гдѣ-то близко-близко,
Стихла на минуту—и затѣмъ раздался
Вопль ужасный, дикій, все собой покрывшій:
То былъ голосъ Ѳеди—и въ изнеможеньи
У порога двери я безъ чувствъ упала...
Долго я лежала; наконецъ очнулась;
Слушаю—ни звука; въ домѣ было тихо,
Тихо какъ въ могилѣ, какъ въ тюрьмѣ подземной.
Съ того дня лихого я осиротѣла
И ждала покорно, что̀ со мною будетъ.

Но къ моимъ сиротскимъ скорбнымъ днямъ печали
Новое въ грядущемъ горе надвигалось;
Тотъ, кто былъ убійцей дорогихъ и близкихъ,
Вздумалъ надо мною страшно насмѣяться.
О, какъ онъ искусно добрымъ притворился!
Помню, ясно помню первое свиданье
Съ тѣмъ, кто былъ виною моего сиротства.
Ласково, смиренно онъ повелъ бесѣду;
Жалостью, казалось, былъ онъ весь проникнутъ;
Говорилъ такъ мягко и глядѣлъ такъ нѣжно,

Такъ меня старался лаской успокоить:
Видѣлись мы часто—и въ сиротской долѣ
Ласку я впервые отъ него узнала;
Сердце наболѣло, сердце изстрадалось,
Тяжко мнѣ на свѣтѣ было одинокой.
Онъ, меня лаская, говорилъ, что нынѣ
Хочетъ дѣло злое онъ вѣнцомъ поправить,
Хочетъ, чтобы Руси я была царицей
И его женою горячо любимой.
Вѣрила я слѣпо тѣмъ рѣчамъ коварнымъ.
Почести, богатства были мнѣ не нужны;
Что мнѣ было царство? что мнѣ были люди?
Лаской я сердечной только дорожила.
Но не долго длилось это заблужденье:
Взявъ меня обманомъ, только для потѣхи,
Мной онъ забавлялся до пріѣзда польки,
Избранной давно имъ въ жены и царицы.
Скоро онъ наскучилъ мною какъ забавой,
Сталъ ходить все рѣже, сталъ суровъ и рѣзокъ,
Молчаливъ и мраченъ, все мной недоволенъ...
А затѣмъ, послушны царскому приказу,
Челядинцы злые въ ночь меня схватили,
Отвезли въ Владиміръ, въ монастырь убогій,
Подъ угрозой смерти тамъ меня постригли,
Отняли и имя и назвали Ольгой...
Сколько лѣтъ томлюся на землѣ я тяжко
Съ той поры печальной въ кельѣ монастырской,
Страшное былое позабыть не въ силахъ:
Нѣту мнѣ отрады, нѣтъ душѣ покоя,
Выплаканы слезы и разбито сердце.
Мати Пресвятая! Сжалься надо мною!
Сжалься надъ моею долею земною!

Навроцкій.

Царевна Ксенія умерла въ Суздальскомъ женскомъ монастырѣ въ 1622 году. Передъ смертью она просила похоронить ее рядомъ съ могилами ея родителей въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, что̀ и было исполнено.

Царевна Ксенія Годунова.

Надъ бѣлокаменной столицей
Восходитъ мѣсяцъ блѣднолицый:
Внутри заиндевшихъ садовъ

Онъ чистымъ серебромъ и златомъ
Ползетъ, дробится по палатамъ
Боярскихъ старыхъ теремовъ
И по старинным колокольнямъ,
И по церквамъ первопрестольнымъ
Золотоверхаго Кремля,—
Горитъ алмазами земля;
Бурмицкимъ жемчугомъ морозы
Поразукрасили березы,
И, какъ невѣста подъ вѣнцомъ,
Подъ серебристою фатою,
Онѣ стоятъ, покрыты льдомъ,
Подъ снѣговою пеленою;
А свѣтелъ мѣсяцъ, какъ женихъ,
Съ небесъ любуется на нихъ.
Ясньй бѣлѣетъ край зубчатый
Кремлевскихъ стѣнъ; за ихъ предѣлъ
Никто-бъ отважиться не смѣлъ,
Но въ Грановитую палату
Лучей свободная струя
Себѣ дорогу пролагаетъ;
Какъ серебристая змѣя,
Она безъ шума вверхъ вползаетъ
По всходамъ Краснаго Крыльца,
Сквозь окна мрачнаго дворца,
По спинкѣ трона внизъ спадаетъ,
На стѣнкахъ зайчикомъ играетъ.
Въ свѣтлицахъ пусто! Лишь въ одной,
Какъ трель соловушки весной,
Унылой пѣсни льются звуки;
О, сколько въ нихъ тоски и муки
По грезамъ жизни молодой!
Не чайка плачетъ въ синемъ морѣ,
Не лебедь смерть свою зоветъ,—
Съ тоской въ груди, съ тоской во взорѣ
Царевна Ксенія поетъ!
Поетъ тѣ пѣсни, что̀ слагались
Въ душѣ измученно-больной,
Какъ пѣснь малиновки лѣсной.
Волнами косы разметались;
Глаза горятъ, слезой блестятъ;
Они, какъ пѣсни, говорятъ
О томъ, что̀ сердцемъ пережито,

Схоронено, но не забыто!
И какъ забыть ей: дочь царя,
Она росла, заботъ не зная;
Судьба расщедрилась, даря
Ей радости земного рая;
Всѣ угождали ей кругомъ,
Заботой, лаской, баловствомъ,
Плели, что по колѣна въ златѣ,
По локти въ чистомъ серебрѣ,
Она, какъ солнце на зарѣ,
Жила у батюшки въ палатѣ;
Да и природа-то сама
Ее такъ щедро наградила
И совершенствомъ сотворила:
Лицомъ румяна и бѣла,
Она роскошно расцвѣла;
Глаза большіе съ поволокой,
Взглядъ ясный, нѣжный и глубокій;
Никто не видывалъ нигдѣ
Такой улыбки милой, кроткой;
Стройна притомъ, пышна, походкой
Плавна, какъ лебедь на водѣ;
Такихъ тяжелыхъ косъ трубчатыхъ
Нигдѣ, ни въ избахъ, ни въ палатахъ,
Ни въ цѣломъ мірѣ-бъ не нашлось!
Но выше красоты тѣлесной
Ей даръ ниспосланъ былъ чудесный,
Даръ сладкихъ пѣсенъ. Въ мірѣ грезъ
Она невѣдомыхъ витала
И словно птичка распѣвала;
И были чудно-хороши
Всѣ чувства дѣвственной души.
Однажды изъ страны далекой
Явился принцъ прекрасный ей,
Кольцомъ онъ обручился съ ней,
Но вынести зимы жестокой
Не могъ и умеръ, и она
Ему осталася вѣрна;
Съ тѣхъ поръ, о, Боже, сколько муки
Она узнала, сколько слезъ,
Какія горькія разлуки
Перенесла она! Унесъ
Съ собой онъ счастье молодое!

Ей вспомнить страшно прожитое.
За что? За батюшкинъ ли грѣхъ
Иль за родимой немоленье?
Оспротѣвъ, лишившись всѣхъ,
Обречена на постриженье,
Она жила въ монастырѣ.

Львова.

Плачъ Ксеніи Годуновой.

(Историческая пѣсня).

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
„Охте мнѣ молоды горевати!
„Хотятъ сырой дубъ зажигати,
„Мое гнѣздышко разорити,
„Мои малыи дѣти побити,
„Меня пелепелку поимати".
Сплачетца на Москвѣ царевна:
„Охте мнѣ молоды горевати,
„Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
„Ино Гриша Отрепьевъ Рострига,
„Что хочетъ меня полонити,
„А полонивъ меня, хочетъ постритчи,
„Чернеческой чинъ наложити!
„Ино мнѣ постритчи-ся не хочетъ,
„Чернеческаго чину не сдержати:
„Отворити будетъ темна келья,
„На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
„Ино охъ, милыи наши переходы!
„А кому будетъ по васъ да ходити
„Послѣ царскаго нашего житья
„И послѣ Бориса Годунова?
„Ахъ, милыи наши теремы!
„А кому будетъ въ васъ да сидѣти
„Послѣ царскаго нашего житья
„И послѣ Бориса Годунова?"

Появленіе второго самозванца.

Надъ Русью снова грозной тучей
Носился призракъ роковой,
Неумолимый и живучій,
И снова бѣдною страной
Владѣла смута. Потрясенный
Въ своихъ осповахъ, край родной
Изнемогалъ онъ, какъ больной,
Метался, бредомъ пораженный,
И ждалъ конца. Народъ не зналъ,
Кому онъ служитъ: присягалъ
Петрамъ, Илейкамъ, увлеченный
Потокомъ смуты. Новый царь [1]),
Не прирожденный государь,
Созданье партіи боярской,
Не совмѣщалъ съ державой царской
Природныхъ доблестей; хитеръ,
Гдѣ нужно опытный актеръ,
Но ужъ отнюдь не властелинъ,
Какъ могъ онъ справиться одинъ
Съ воображеніемъ народа?
И подъ знамена коновода,
Каковъ бы ни былъ онъ, сейчасъ
Вся Русь охотно бы сошлась,
Лишь только-бъ онъ взялся за дѣло
Умно, рѣшительно и смѣло.
И онъ явился!.. Шла бѣда,
И подъ названьемъ „лихолѣтья“
Съ тѣхъ поръ прослыло навсегда
Начало смутное столѣтья!

Въ Самборъ пробравшійся Молчановъ,—
Созданье князя Шаховского,—
Въ Россіи смуту поднялъ снова.
Но не вполнѣ для новыхъ плановъ
Годился плутъ: онъ былъ кнутомъ
За чернокнижество наказанъ
И слишкомъ многимъ былъ знакомъ.
Но онъ сыграть лишь былъ обязанъ

[1]) Василій Шуйскій.

Одинъ прологъ. Къ нему явился
Иванъ Болотниковъ; въ плѣну
Онъ долго въ Турціи томился,
Служилъ въ Венеціи. Въ страну
Свою родную пробираясь
Черезъ Литву, онъ тамъ узналъ,
Что царь, отъ козней укрываясь,
У тещи въ замкѣ проживалъ.
Въ Самборъ однажды съ предложеньемъ
Явился хитрый удалецъ
И обѣщалъ вернуть вѣнецъ
Тому, въ комъ чтилъ онъ съ увлеченьемъ
Кровь благородную царей.
Молчановъ поспѣшилъ скорѣй
Его отправить къ Шаховскому.
Князь далъ бродягѣ удалому
Возможность дѣйствовать. Съ тѣхъ поръ
Успѣлъ онъ двинуть всю Россію:
Царя всѣ ждали, какъ Мессію;
Но онъ не шелъ, а тутъ отпоръ
Подъ Тулой выдержать пришлося;
Въ средѣ дружинъ подорвалося
Къ вождю довѣрье; истощенъ,
Разбитъ, онъ сдался и казненъ.
Но всѣ засѣянные всходы
Взошли, созрѣли... Коноводы
Нашли Димитрія, и тотъ
Себя сначала выдаетъ
За дядю Дмитрія—Нагого.
Но Рукинъ, купленный клевретъ,
Взболтнулъ не во-время секретъ,
Что въ Стародубѣ царь, и слово
То разнеслося: „Гдѣ же царь?“
Пристали къ мнимому Нагому.
„Не знаю!“ За отвѣтъ другому
Пришлось платить: „Гдѣ государь?“
Пытали Рукина кнутами.
Онъ не стерпѣлъ и указалъ
На незнакомца. Тотъ призналъ
Себя за Дмитрія.—Толпами
Къ нему изъ Сѣверской земли
Сбѣжались люди; подошли
Поляки съ княземъ Мѣховецкимъ;

Рожинскій гетманъ съ Вишневецкимъ,
Казаки съ Дона, но никто
Не довѣрялъ царьку; зато,
Служа лишь яблокомъ раздора
Для предводителей, онъ скоро
Сталъ тяготиться; раза два
Его ловили; онъ едва
Не спился съ горя. Къ трудной роли
Пришлось привыкнуть поневолѣ.
Какъ предводитель, во главѣ
Разнокалибернаго сброда,
Онъ долженъ былъ итти къ Москвѣ
Подъ покровительствомъ народа.
Сразившись съ Шуйскимъ, онъ къ веснѣ
Успѣлъ добраться до столицы,
Но очутился въ западнѣ:
Ворота заперты; бойницы
Кишатъ войсками! Какъ тутъ быть?
Не отступать же!.. И разбить
Пришлося таборъ... Переговоры
Въ Москвѣ велися между тѣмъ
Съ послами Польши. Ляхамъ всѣмъ
Дана свобода и раздоры
Пріостановлены. Въ Москву
Опять вернулася Марина,
Опять предстала наяву
Предъ нею яркая картина
Незабываемаго сна:
Димитрій спасся!... [1])

Признанье
Мариной вора помогло
Ему на время: перешло
Не мало градовъ православныхъ,
Съ Москвой по лѣтописямъ равныхъ,—

---

[1]) Вскорѣ послѣ того, какъ самозванецъ расположился въ селѣ Тушинѣ, въ 15 вер. отъ Москвы по волоколамской дорогѣ, въ таборъ его прибыла Марина. По договору, заключенному съ поляками, Василій Шуйскій отпустилъ всѣхъ поляковъ, оставшихся въ Москвѣ со времени перваго самозванца; ихъ, въ томъ числѣ и Мнишка съ дочерью, отправили въ обходъ на Угличъ, Тверь и Бѣлую къ смоленскому рубежу. Но на дорогѣ плѣнники попали въ руки отряда войскъ самозванца. Мнишекъ, прельщенный разными обѣщаніями Тушинскаго вора, склонилъ дочь признать въ немъ своего мужа.

Владимиръ, Тверь и вѣчевой
Старинный Псковъ и родовой
Удѣльный Угличъ, Суздаль древній
И Ярославль; бѣды плачевнѣй
Народъ не помнилъ отъ татаръ.
Кровопролитье и пожаръ
Губили Русь... искать спасенья
Не зная въ комъ, межъ двухъ огней;
Она отъ язвы разложенья
Страдала глубже и больнѣй,
Являя чудные примѣры
Любви, терпѣнія и вѣры!
Ростовъ упорствовалъ, спасенъ
Митрополитомъ Филаретомъ.
Онъ, въ ризы сана облеченъ,
Въ соборѣ, передъ цѣлымъ свѣтомъ,
Суровой проповѣдью встрѣтилъ
Враговъ отечества; съ него
Сорвали ризы; онъ отвѣтилъ,
Что не боится ничего—
Ни мукъ, ни смерти! Въ таборъ къ вору,
Въ татарской шапкѣ, на возу
Его свезли. Пришлось въ ту пору
Невольно переждать грозу
И покориться. Патріархомъ
Его насильно нарекли.
Его боялись и подъ страхомъ,
Не довѣряя, стерегли,
Какъ цѣнный кладъ, страшась побѣга.
Межъ тѣмъ Лисовскій и Сапѣга
Громили Лавру.
Страшный стонъ
Стоялъ въ Россіи! Злой притонъ
Насилья, грубости, разврата —
Обозъ царька—душилъ народъ,
И людямъ былъ одинъ исходъ
Бѣжать въ лѣса... Шелъ братъ на брата,
Сынъ на отца.
Въ стѣнахъ столицы
Открылся голодъ, послѣ бунтъ,
А тутъ разнесся слухъ съ границы,
Что Польшу двинулъ Сигизмундъ.
Сплотилась Русь; племянникъ царскій,

Герой Скопинъ дрался, какъ левъ;
Народнымъ духомъ овладѣвъ,
Другой начальникъ, князь Пожарскій,
Спасалъ Коломну, и близка
Была минута ополченья
Россіи всей безъ исключенья!
Исхода не было пока.
Скопинъ призвалъ на помощь шведа,
Но не легка была побѣда
Надъ страшнымъ призракомъ, и Богъ
Помочь одинъ, казалось, могъ.

Львова.

Тушинскій воръ.

(Историческая пѣсня).

Изъ за Шведскія, изъ Литовскія, изъ земелюшки
Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ, во чисто поле.
Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею, въ славномъ Рубежѣ,
Онъ разставливаетъ бѣлъ тонкой шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковой коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы;
Но бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
„Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
„Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ!“
Садился воръ-собачушка на добра коня;
Онъ поѣхалъ, воръ-собачушка, во чисто поле,
Изъ чиста поля во царевъ дворецъ;
Подъѣзжаетъ онъ ко цареву дворцу,
Пріѣзжаетъ онъ на широкій дворъ;
Слѣзаетъ воръ-собачушка со добра коня.
Онъ своево коня не привязываетъ,
Не привязываетъ, никому не приказываетъ.
Восходилъ воръ-собачушка на Красенъ крылецъ,
Входилъ онъ, воръ-собачушка, во царевъ дворецъ:
Онъ самимъ боярамъ не кланяется
И самой государынѣ челомъ не бьетъ,
Онъ садился, воръ-собачушка, за дубовый столъ,
Вынимаетъ воръ-собачушка ярлыки на столъ,

По ярлыкамъ воръ-собачушка сталъ расписываться:
„Я самихъ же то бояръ во полонъ возьму,
„А съ самою царицею обвѣнчаюся!“

Осада Троицкой Лавры.

(Ночь передъ приступомъ).

Поляки ночью темною,
Предъ самымъ Покровомъ,
Съ дружиною наемною
Сидятъ передъ огнемъ.
Исполнены отвагою,
Поляки крутятъ усъ,
Пришли они ватагою
Громить святую Русь.
И съ Польскою державою
Пришли изъ разныхъ странъ,
Пришли войной неправою
Враги на россіянъ.
Тутъ волохи усатые,
И угры въ чекменяхъ,
Цыганы бородатые
Въ косматыхъ кожухахъ...
Валя толпою пѣгою,
Пришла за ратью рать
Съ Лисовскимъ и съ Сапѣгою
Престолъ нашъ воевать.
И вотъ махая бурками,
И шпорами звеня,
Веселыми мазурками
Вкругъ яркаго огня
Съ ухватками удалыми
Несутся ихъ ряды,
Гремя, звеня цымбалами,
Кричатъ, поютъ жиды.
Брянчатъ цыганки бубнами,
Наѣздники шумятъ,
Дѣлами душегубными
Грозитъ ихъ ярый взглядъ;
И всѣ стучатъ стаканами:
„Да здравствуетъ Литва!“
Такъ возгласами пьяными
Встрѣчаютъ Покрова.
А тамъ, едва замѣтная,
Межъ сосенъ и дубовъ,
Во мглѣ стоитъ завѣтная
Обитель чернецовъ.
Монахи съ вѣрой пламенной
Во тьму вперили взоръ,
Вокругъ твердыни каменной
Ведутъ ночной дозоръ.
Среди мечей зазубренныхъ,
Въ священныхъ стихаряхъ,
И въ панцыряхъ изрубленныхъ,
И въ шлемахъ, и въ тафьяхъ,
Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держатъ грозною
Кресты пль топоры.
Священное ихъ пѣніе
Вторитъ высокій храмъ,
Желѣзное терпѣніе
На диво ихъ врагамъ.
Не разъ они предъ битвою,
Презрѣвъ ночной покой,
Смиренною молитвою
Встрѣчали день златой.
Не разъ, сверкая взорами,
Они въ глубокій ровъ
Сбивали шестоперами
Литовскихъ удальцовъ.
Ни на-день въ ихъ обители
Гласъ Божій не затихъ.
Блаженные святители,
Въ окладахъ золотыхъ,

Глядятъ на нихъ съ любовію,
Святыхъ ликуетъ хоръ:
Они своею кровію
Дадутъ Литвѣ отпоръ!
Но чу! Тамъ пушка грянула,
Во тьмѣ огонь блеснулъ,
Рать вражая воспрянула,
Раздался трубный гулъ!..

Молитесь Богу, братія!
Начнется скоро бой!
Я слышу ихъ проклятія
И гиканье, и вой;
Несчетными станицами
Идутъ они вдали—
Приляжемъ за бойницами,
Раздуемъ фитили.

А. Толстой.

„Троицкій монастырь обезпечивалъ сообщеніе Москвы съ сѣверными и восточными областями, а изъ этихъ областей столица получала пособія ратью, деньгами и хлѣбными запасами: поэтому-то Сапѣгѣ и Лисовскому было поручено взять эту обитель. Они съ 30.000 войска 23 сентября 1608 г. приступили къ монастырю, но взять его, несмотря на ничтожное число сидѣвшихъ въ осадѣ, не могли и въ январѣ 1610 г. должны были снять осаду.

Въ Троицкомъ монастырѣ находилось много окрестныхъ жителей, нашедшихъ убѣжище за его крѣпкими стѣнами. Геройская оборона монастыря монахами и бывшими тамъ ратными людьми (всѣхъ защитниковъ было до 3000) подъ начальствомъ князя Долгорукаго Рощи и дворянина Алексѣя Голохвастова оказала большую услугу Шуйскому и всей русской землѣ; задерживая подъ своими стѣнами Сапѣгу и Лисовскаго, монастырь ослаблялъ этимъ силы самозванца, а своей вѣрностью царю Шуйскому онъ подавалъ высокій нравственный примѣръ и многихъ удержалъ отъ измѣны; на предложеніе польскихъ вождей сдаться и на обѣщаніе награды защитники монастыря отвѣчали, что они „богатства всего міра не возьмутъ за нарушеніе своего крестнаго цѣлованія“. Мысль, что въ случаѣ взятія монастыря гробъ св. Сергія будетъ преданъ поляками поруганію, также не мало способствовала мужеству защитниковъ. Эта оборона была описана со словъ защитниковъ келаремъ монастыря Авраміемъ Палицынымъ, жившимъ во время осады въ Москвѣ, въ сочиненіи „Сказаніе объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря“.

Великую задачу принялъ на себя Троицкій монастырь въ это страшное время лихолѣтья и громадную услугу оказалъ онъ русской землѣ. Архимандритомъ былъ тогда Діонисій, замѣнившій Іосафа, при которомъ монастырь выдержалъ 16-мѣсячную осаду поляковъ. Діонисій былъ человѣкъ высокой нравственности и, горячо любя родину, глубоко скорбѣлъ надъ постигшими ее несчастіями. Когда Москва была сожжена и воровскія шайки казаковъ свирѣпствовали въ ея окрестностяхъ, много бѣглецовъ искали пріюта въ Троицкомъ монастырѣ. Страшенъ былъ видъ ихъ: израненные, обожженные, многіе изъ нихъ даже не имѣли силъ добраться до монастыря и падали на дорогѣ. Тогда-то троицкіе иноки.

воодушевляемые примѣромъ своего архимандрита, помѣщали всѣхъ бѣглецовъ въ монастырѣ, собирали раненыхъ по дорогамъ и ухаживали за ними, хоронили мертвыхъ, и все богатство, накопившееся въ монастырѣ путемъ пожертвованій въ прежнее время, употребляли на великое дѣло— помощь страждущимъ. Въ то же время Діонисій и Авраамій Палицынъ составляли граматы, въ которыхъ призывали русскихъ людей къ очищенію земли; писцы переписывали граматы во множествѣ списковъ и особые гонцы развозили ихъ по областямъ".

Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

(† 22 апрѣля 1610 г.).

(Народная былина).

Какъ бы во сто-двадцать-седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячѣ,
А и дѣялось, учинилося:
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла во всѣ четыре стороны,
А и съ нею сила, Сорочина долгополая,
И тѣ черкесы Пятигорскіе,
Еще ли калмыки съ татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши съ люторами.
Какъ были припасы многіе,
А и царскіе, и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе.
А нельзя ни пройти, ни проѣхати
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетѣти
А изъ сильна царства Московскаго
И великаго государства Россійскаго.
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ —
Онъ правитель царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣтло-Русскія.
Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ,
Князь Михайло Васильевичъ, —
Онъ походъ чинилъ къ Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ въ Новѣградѣ,

Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Входилъ во избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернильницу золотую,
А и въ ней то перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Свицкую землю заморскую,
Ко любимому брату названному,
Ко Свицкому королю Карлусу, —
А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названный братъ,
А ты, Свицкой король Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердуйся,
Смилосердуйся, покажи милость:
А и дай мнѣ силы на-подмочь...
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А и тѣ черкесы Пятигорскіе,
А и тѣ калмыки съ башкирцами,
А и тѣ чукши съ люторами, —
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города русскіе“.
А съ ярлыкомъ послалъ гонца скораго,
Своего любимаго шурина,
А того Ивана Ивановича.

Какъ и будетъ гонецъ въ Свицкой землѣ,
У честного короля, честного Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко Свицкому королю Карлусу.
Середи двора королевскаго
Соскочилъ гонецъ съ добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Суму подхватилъ, самъ во палаты идетъ,
Ни за чѣмъ гонецъ не замѣшкался,
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Расковыривалъ суму, вынималъ ярлыки:
Онъ кладетъ королю на круглый столъ.
Принимавши король распечатываетъ,
Распечаталъ, самъ просматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ,
Отъ мудрости слово поставлено:

„Отъ любимаго брата названнаго,
„Скопина, князя Михайлы Васильевича,
„Какъ проситъ силы на-подмочь,
„Закладываетъ три города русскіе".
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силы со трехъ земель:
А и первыя силы-то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третья силы Школьскія [1]),
Того ратнаго люду ученаго,
А не много-не-мало — сорокъ тысячей.
Прибыла сила къ Новугороду,
Изъ Новагорода въ каменну Москву:
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по-утру, рано-ранешенько
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслужилъ,
Отслужилъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье царское,
А на знаменьи написано
Чуденъ Спасъ со Пречистою,
На другой сторонѣ было написано
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся тутo сила небесная.
Въ восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденную сторону походомъ пошли,
Прекрошили черкесъ Пятигорскіихъ, —
А немного дрались, скоро сами сдались, —
Еще нонѣ тутъ Малороссія;
А на сѣверную сторону походомъ пошли,
Прирубили калмыковъ со башкирцами;
А на западну сторону и въ ночь пошли,
Прирубили чукши съ люторами...
А кому будетъ Божья помочь? —
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Онъ очистилъ царство Московское
И великое государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ

---

[1]) Школьскъ, т.-е. Стокгольмъ.

Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ
Про Скопина князя Михайлу Васильевича,
Про весь православный міръ, —
И велику славу до-вѣку поютъ
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Какъ бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили младого княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скуратова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ и почестной столъ,
Тутo было много князей и бояръ, и званыхъ гостей.
Будетъ пиръ во полу-пирѣ,
Княженецкій столъ во полу-столѣ, —
Какъ пьяненьки тутъ расхвастались:
Сильный хвастаетъ силою,
Богатый хвастаетъ богатествомъ...
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ —
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкій медъ...
Не съ большого хмелю онъ похвастается:
„А вы, глупый народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей...
Я, Скопинъ Михайло Васильевичъ,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистилъ царство Московское
И велико государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до-вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго до вѣку моего!“
А и тутъ боярамъ за бѣду стало,
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали;
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ, въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовыя,

Малютиной дочери Скуратовой.
Она, знавши, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ вышилъ стаканъ меду сладкаго.
А самъ говорилъ таково слово:
„Услышалъ во утробѣ неловко добрѣ!..
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скуратова:
А зазнаючи мнѣ съ зельемъ стаканъ подала...
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!“
Голова съ плечъ покатилася, —
Онъ и тутъ, Скопинъ, скоро со пиру пошелъ.
Онъ садился, Скопинъ, на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ,
А только успѣлъ съ нею проститися;
А матушка ему пенять стала:
„Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому,
А и ты меня не послушался...
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скуратова!“
Онъ къ вечеру, Скопинъ, и преставился...
Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А расплачутся гости москвичи,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съѣзжалися князи, бояре супротиво къ немъ,
Мстиславскій князь, Воротынскій,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулися:
„Высоко соколъ поднялся,
„И о сыру матеру землю ушибся“.
А расплачутся свицкіе нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣжали нѣмцы въ Новгородъ,
И въ Новѣгородѣ заперлися,

И многой міръ-народъ погубили,
И въ латинскую землю превратили.
То старина, то и дѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье.
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

„Князь Скопинъ-Шуйскій, племянникъ царя Василія Шуйскаго, былъ при Лжедимитріи великимъ мечникомъ; съ воцареніемъ же Василія Шуйскаго Скопинъ ознаменовалъ себя многими побѣдами, усердною службою дядѣ, и заслужилъ любовь народную. Въ 1606 г. онъ вытѣснилъ изъ Москвы шайки бунтовщиковъ подъ предводительствомъ Болотникова и, разбивъ ихъ, заставилъ разсѣяться и удалиться за предѣлы отечества. Послѣ этого разбилъ при монастырѣ Калязинѣ наголову польскаго гетмана Сапѣгу, затѣмъ очистилъ все пространство отъ Москвы до Новгорода отъ враговъ отечества. По освобожденіи изъ осады Сергіевской лавры Шуйскій вошелъ съ торжествомъ въ Москву. Народъ сталъ смотрѣть на юнаго князя, какъ на преемника Василія. Ляпуновъ въ увлеченіи предложилъ ему даже царскій вѣнецъ, а москвичи еще на пути его въ Москву встрѣтили молодого воеводу съ хлѣбомъ-солью и выразили ему самое искреннее расположеніе. Но враги его, въ числѣ которыхъ былъ братъ царя, Димитрій Шуйскій, глубоко ненавидѣвшій Скопина и считавшій его соперникомъ, вооружили царя противъ племянника. Скопинъ сталъ готовиться къ походу подъ Смоленскъ, но на прощальномъ пиру внезапно заболѣлъ и скоро скончался. Народная молва приписывала смерть Скопина отравленной чашѣ, которую будто бы подала ему жена Димитрія Шуйскаго. Прахъ его похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Іоанна Крестителя“.

Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.

— Ты одинъ завершишь и покончишь войну,
Твое громкое имя во вражескомъ станѣ
Повторяется съ ужасомъ,—такъ Скопину
Говорили послы изъ Рязани.
Ляпуновъ насъ прислалъ, чтобъ сказали тебѣ:

Ты надежда Россіи, ты щитъ и опора,
Будь покоренъ же, князь, этой вѣщей судьбѣ,
Принимай этотъ жребій безъ спора.
Мятежамъ и раздорамъ наступитъ конецъ,
Всѣхъ сплотитъ твое имя безъ тяжкихъ усилій,
Лишь тебѣ одному уготованъ вѣнецъ,
Для котораго жалокъ Василій.—
Но нахмурился князь...—Какъ же просите вы,
Чтобъ предателемъ сталъ я, подобно Іудѣ?
Всѣ мы связаны клятвой, мы—слуги Москвы,
Мы—послушные царскіе люди.
Какъ измѣнниковъ васъ надо выдать царю,
Да щажу я заблудшихъ, цѣню Ляпунова,
И, даруя вамъ милость, ему говорю:
Принеси ты повинную снова.
Мы могучую рать въ городахъ соберемъ,
Я возьмусь повести ее къ славнымъ побѣдамъ,
Но чтобъ каждаго славнаго дѣлать царемъ,
Тотъ обычай въ Россіи невѣдомъ...—
На Можайской дорогѣ толпится народъ,
Все растетъ, прибываетъ несмѣтная сила,—
Изъ престольной Москвы выслалъ царь воеводъ,
Чтобы встрѣтить въ пути Михаила.
Онъ вступаетъ въ Москву, о раздорѣ былом
Нѣтъ помину теперь, затихаетъ крамола,
И вождю молодому толпа бьетъ челомъ
За спасенье Москвы и престола.
Воздухъ ранней Москвы упоительно свѣжъ,
Всѣ воспряли душой, каждый заново молодъ,—
Та ли это Москва, гдѣ рождался мятежъ,
Гдѣ недавно свирѣпствовалъ голодъ?
Надъ окружной землей необъятною всей
Вновь подъяла она золоченыя главы,—
Темнобронзовый Каспій, сѣдой Енисей—
Это грани единой державы.
Вотъ въ Кремлѣ Михаилъ... Здѣсь встрѣчаетъ его
Самъ Василій съ боярами, чтитъ хлѣбомъ-солью;
Царь растроганъ на видъ, но вождя торжество
Отражается на сердцѣ болью.
Кое-кто изъ бояръ непривѣтливъ и хмуръ,
А Димитрій—братъ царскій—совсѣмъ уже мраченъ:
Не вознесъ ли народъ Скопина черезчуръ?
Не ему ли вѣнецъ предназначенъ?...

У Димитрія князя торжественный пиръ,
На столахъ громоздятся несчетныя блюда,—
Приглашенъ Михаилъ, этотъ юный кумиръ
На собранье вельможнаго люда.
Вотъ и царь... но устало склонясь головой,
Задремалъ онъ, какъ будто, за шумнымъ обѣдомъ
И не слушаетъ вовсе бесѣды живой
Съ Делагарди—союзникомъ шведомъ.
— Надо дальше итти, замиряя вражду,—
Говоритъ Михаилъ иноземному другу:
— Отъ царя я теперь приказанія жду,
Чтобы выступить завтра въ Калугу.—
Тутъ хозяинъ Димитрій женѣ сдѣлалъ знакъ
Подойти къ Михаилу съ заздравною чашей:
— Вышей, доблестный князь... да погибнетъ злой врагъ,
И да крѣпнетъ могущество наше!
Пожелать тебѣ счастья велитъ мнѣ супругъ,—
Добавляетъ жена—дочь злодѣя Малюты,
И съ поклономъ Скопинъ принялъ чашу изъ рукъ,
Выполняя ихъ замыселъ лютый.
Всю до дна осушилъ... только дрогнула бровь,
Только мертвенной темью лицо посинѣло,
И изъ горла и носа вдругъ хлынула кровь,
Содрогая могучее тѣло.

Вьется дымъ изъ кадильницъ, лампады горятъ,
Безпросвѣтно и тяжко народное горе,
Патріархъ Гермогенъ погребальный обрядъ
Совершаетъ въ державномъ соборѣ.
Такъ по смерти извѣдалъ вѣнчанныхъ судьбу
Тотъ, кто жертвою палъ подозрительной мести:
Онъ теперь безопасенъ, сокрытый въ гробу,
Пусть лежитъ съ вѣнценосцами вмѣстѣ...
Но ни царственный гробъ, ни почетный обрядъ
Не укроютъ неправды отъ совѣсти правой...
— Князь злодѣйски погибъ,—всѣ въ толпѣ говорятъ
— Изведенъ смертоносной отравой.
Хоть и молится царь у иконъ алтаря,
Хоть и слезы онъ льетъ, будто гложетъ утрата,
Не повѣритъ никто въ непричастность царя
Къ преступленью Димитрія брата.
Вѣдь гадатель повѣдалъ: въ годину невзгодъ
Будетъ царь Михаилъ, и по Божіей волѣ

Замиритъ государство и мощный свой родъ
Укрѣпитъ на московскомъ престолѣ.
Зналъ пророчество царь,—и подъ скорбью сейчасъ
Не укрыта ли радость законченной мести?
Неподвижный мертвецъ безопасенъ для насъ,
Пусть лежитъ съ вѣнценосцами вмѣстѣ...—

Такъ надъ юнымъ вождемъ былъ свершенъ самосудъ,
Такъ загубленъ былъ тотъ въ ослѣпленьи коварства,
Кто одинъ отъ враговъ, отъ раздора и смутъ
Могъ спасти потрясенное царство...
И недаромъ въ слезахъ растворялась земля,
Дорогую могилу безвременно роя,—
И сказалъ Делагарди:—Межъ слугъ короля
Не встрѣчалъ я такого героя...

Отчининъ.

Сверженіе съ престола Василія Шуйскаго.

Не стало юнаго героя!
Онъ не погибъ въ честномъ бою,
Нѣтъ, злая зависть, козни строя,
Въ кругу родныхъ, въ родномъ краю,
Сложила въ раннюю могилу
Его спасительную силу.
Среди пировъ, въ Москвѣ родимой,
Среди семьи своей любимой,
Освобожденной отъ враговъ,
Онъ выжидалъ лишь царскихъ словъ,
Чтобъ кончить съ смутою упрямой...
Не спасъ онъ родины! Увы!
Великій планъ законченъ драмой,
И, по словамъ мірской молвы,
Онъ былъ отравленъ по приказу
Царя Василья на пиру
У Воротынскихъ. Поутру
Онъ былъ здоровъ и веселъ, сразу
Вдругъ поблѣднѣлъ онъ за столомъ.
Порвалась жизнь!—Его виномъ
Съ коварной лаской угощала
Малюты дочь, его кума,
Княгиня Шуйская сама.
Всѣ вслухъ кричали: „Отравила!"

Толпу взбѣшенную едва
Отбила царская дружина
Отъ дома Шуйскихъ. Вся Москва
Кричала громко: „Катерина,
Невѣстка царская—змѣя,
Сгубила князя!“ На царя
Пошло все хуже пареканье:
Разнесся слухъ, что передъ тѣмъ
Имѣлъ онъ втайнѣ совѣщанье
Съ волхвомъ извѣстнымъ, что затѣмъ,
Повѣривъ братнину навѣту,
Онъ звалъ племянника къ отвѣту
И заставлялъ дать клятву въ томъ,
Что онъ не мыслитъ быть царемъ.
Все это явныя улики:
„Убійца—царь!“ кричали вслухъ.
Василій слышалъ эти крики,
Но оставался слѣпъ и глухъ.
Не придавая имъ значенья,
Онъ, будто всѣмъ наперекоръ,
Вождемъ назначилъ ополченья
Того, на комъ лежалъ позоръ
Ничѣмъ несмытыхъ обвиненій
Въ злодѣйскомъ гнусномъ отравленьи
„Любимца общаго“. Казну
Онъ силой въ Лаврѣ взялъ для ставки,
Чтобъ иноземцамъ дать прибавки,
И это ставили въ вину;
Враговъ онъ наживалъ все больше.
Въ Рязани громко Ляпуновъ
Кричалъ, что мочи нѣтъ ужъ дальше
Терпѣть царя, что, наконецъ,
Пора съ него сорвать вѣнецъ.
Въ Зарайскѣ только князь Пожарскій
Да Гермогенъ, ревнитель царскій,
Остались тверды. Между тѣмъ
Король навстрѣчу русской рати
Послалъ Жолкѣвскаго. Некстати
И, не оправданный ничѣмъ,
Димитрій Шуйскій медлилъ въ полѣ,
Онъ вдвое былъ сильнѣй врага,
Но тратилъ время... поневолѣ.
Въ войнѣ минута дорога.

Жолкѣвскій, вывѣдавъ что нужно,
Войска навстрѣчу двинулъ дружно,
Врасплохъ ударивъ съ двухъ сторонъ
На русско-шведскія дружины.
Разбивъ сначала у плотины
Передовыхъ, неслышно онъ
Пробрался къ главному обозу,
Нагнавъ на спящихъ сразу страхъ,
И въ жаркомъ дѣлѣ въ пухъ и прахъ
Разбилъ союзниковъ! По возу
Досталось каждому добра —
Мѣховъ, одеждъ и серебра.
Карета Шуйскаго и знамя,
Его шатеръ и булава
Достались ляхамъ. Самъ врагами
Почти настигнутый, едва
Спастись успѣлъ черезъ болота,
Загнавъ коня; но у кого-то
Доставъ лошадку, онъ въ Москву,
Склонивъ повинную главу,
Привезъ постыдное извѣстье,
Усиливъ жалкое безчестье
Позорнымъ возгласомъ въ отвѣтъ
На всѣ вопросы: „Мой совѣтъ —
Просите милости поляковъ".
Межъ тѣмъ Жолкѣвскій шелъ впередъ,
А шайки дикія казаковъ
И иноземный разный сбродъ
Свои усилили набѣги.
Всѣ шли къ Москвѣ и даже воръ,
При подстрекательствѣ Сапѣги,
Возобновивъ свой прежній споръ,
Засѣлъ въ Коломенскомъ селѣ.
И дрогнулъ тронъ... И на челѣ
Василья Шуйскаго корона
Не удержалась. Оборона
Не помогла. Въ его рукахъ
Ужъ власти не было, и въ прахъ
Разбилось все, и та же сила,
Которой былъ обязанъ онъ
Своимъ вступленіемъ на тронъ,
Его съ престола низложила
И заперла въ монастырѣ,

Никто въ народѣ о царѣ
Не пожалѣлъ. Но безначалье
Томило всѣхъ, не то едва ли
Единодушно весь народъ
Рѣшиться-бъ могъ искать оплотъ
Въ иноплеменномъ Владиславѣ.

Львова.

Василій Шуйскій.

(Историческая пѣсня).

Какъ не изъ-за лѣсовъ-то дремучихъ стая вороновъ слеталася.
Сходился весь московскій народъ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Ужъ на той ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ звонили.
Охъ, и, братцы, что-то у насъ дѣлается,
Ужъ не чудо ли какое совершается?
Во дворцѣ что-то всѣ взволновалися,
Всѣ лакеи, всѣ прислужнички взсуетилися!
Ужъ не бояре ли взбунтовалися,
Ужъ не злыя ли собаки повзбѣсилися,
Ужъ и живъ ли нашъ православный царь,
Православный царь Василій Ивановичъ?
Ужъ и что, братцы, во дворцѣ его не видно,
Что косящеты окошечки всѣ завѣшаны?
Какъ и взговоритъ въ народѣ удалой молодецъ:
„Охъ, вы, братцы, вы не знаете бѣды-горести,
„Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
„Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
„А ужъ сдѣлали царемъ какова басурмана,
„Что Петрушку самозванца злаго боярина!“
Ужъ всѣ люди перьпугалися,
Въ разны стороны побросалися.

Прокофій Петровичъ Ляпуновъ.

(† 9 августа 1611 г.).

(Историческая пѣсня).

Какъ было то у насъ на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Было время военное, времячко мятежное:

Заполонила-то Москву погана Литва,
Погана Литва, проклята Польска сторона.
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ нечестивый Жигимонтъ;
Жилъ онъ во святыхъ мѣстахъ,
Во святыхъ мѣстахъ, въ царскихъ русскихъ теремахъ.
Недолго продолжалась его Московска веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя намъ накачалось.
Многи русскіе бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, отъ Христовой вѣры отреклись;
Ужъ одинъ-то бояринъ, думный воеводушка, крѣпко вѣру защищалъ,
Крѣпко вѣру защищалъ, измѣнниковъ отгонялъ.
Ужъ какъ думный воевода былъ Прокофій Ляпуновъ.
Какъ Прокофій-то Петровичъ разослалъ своихъ гонцовъ,
Какъ Прокофій Ляпуновъ роздалъ письма гонцамъ,
Роздалъ письма гонцамъ и приказъ имъ приказалъ:
„Поѣзжайте вы, гонцы, на всѣ русскіе концы,
„На всѣ русскіе концы, во большіе города!
„Вы просите воеводъ итти съ войскомъ сюда,
„Свободить городъ Москву, защищать вѣру Христа“.
Какъ узналъ то Жигимонтъ отъ своихъ измѣнниковъ бояръ,
Что разослалъ-то Ляпуновъ гонцовъ въ города,
Гонцовъ въ города, просить воеводъ съ войскомъ сюда:
Разсердился, распалился нечестивый Жигимонтъ;
Распалившись, велѣлъ воеводушку убить,
Того ли воеводушку Прокофья Ляпунова...
И убили злы измѣнники воеводушку!..
Какъ и двинулись думны воеводы со большихъ городовъ:
Всѣ большіе города—Казань, Нижній—пришли съ войскомъ сюда;
Какъ и начали русаки погану Литву колоть-рубить,
Погану Литву рубить, нечестиваго Жигимонта веревкой душить;
Удушили, все нечестивое племя изъ Москвы новыгнали.

„Во главѣ народнаго движенія (1611 г.) на защиту православной вѣры сталъ рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ и пошелъ къ Москвѣ изъ Рязани; на пути къ нему присоединялись служилые люди изъ разныхъ областей, а города присылали деньги на содержаніе войска. Съ Ляпуновымъ соединились и казаки подъ начальствомъ Заруцкаго и князя Трубецкого, ранѣе находившіеся на службѣ у тушинскаго вора. Въ мартѣ 1611 г. москвитяне возстали противъ поляковъ, находившихся въ Москвѣ. Поляки сожгли всю Москву, а сами заперлись въ каменномъ Кремлѣ и Китай-городѣ, гдѣ и были осаждены подошедшимъ въ это время стотысячнымъ ополченіемъ Ляпунова и Заруцкаго. Трудно было бы полякамъ долго высидѣть въ осадѣ, и они уже стали испытывать

недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но ихъ спасла отъ сдачи смерть главнаго вождя ополченія Ляпунова. По приговору всего ополченія главное начальство надъ нимъ и управленіе землей было вручено Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому, но между этими вождями не было согласія: Заруцкій и Трубецкой сильно враждовали съ Ляпуновымъ. Ляпуновъ искренно желалъ очищенія земли отъ враговъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ преслѣдовалъ одну только цѣль—спасеніе родины. Заруцкій съ казаками преслѣдовали преимущественно свои личныя цѣли и для нихъ даже было выгодно продолженіе смутъ, которыя давали имъ возможность безнаказанно разорять землю, что̀ они дѣлали и въ это время, находясь подъ Москвой. Ляпуновъ возставалъ противъ такихъ поступковъ казаковъ и этимъ возбудилъ ихъ противъ себя. Кромѣ того Ляпуновъ, выдвинутый на первое мѣсто событіями смутнаго времени, слишкомъ гордился этимъ и постоянно давалъ это чувствовать другимъ вождямъ ополченія, чѣмъ еще болѣе вооружалъ ихъ противъ себя. Гонсѣвскій, узнавъ о такихъ раздорахъ среди вождей ополченія, рѣшился погубить Ляпунова, который былъ для поляковъ всѣхъ опаснѣе по своимъ способностямъ и довѣрію къ нему русскихъ людей. Онъ послалъ подложную грамату въ казацкій станъ, въ которой будто бы отъ имени Ляпунова приказывалось жителямъ городовъ убивать казаковъ. Казаки, не слушая оправданій Ляпунова, убили его“.

Архимандритъ Діонисій.

Въ городѣ Ржевѣ, въ семьѣ горожанина скромной
Мальчикъ родился и былъ нареченъ онъ Давидомъ;
Мальчикъ способный, къ ученью ретивъ и прилеженъ,
Богобоязненъ, смиренъ и кроткаго нрава.
Выросъ большой — и священнослужителемъ церкви
Былъ онъ въ селѣ монастырскомъ поставленъ владыкой.
Честно свершалъ онъ служенье свое и доволенъ
Участью пастыря былъ, почитаемъ народомъ,
Но не въ безвѣстномъ селѣ ему жить предстояло.
Только шесть лѣтъ протекло, овдовѣлъ онъ внезапно
И по обычаю древнему, санъ сохраняя,
Инока чинъ воспріялъ онъ въ обители скромной
И Діонисіемъ былъ нареченъ въ постриженьи.
Мудрости книжной смиренно себя посвятившій,
Строго монашескій подвигъ во всемъ соблюдая,
Былъ отличенъ онъ владыкой и въ скорое время
Архимандритомъ обители той же назначенъ.
Часто бывая въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ,

Болѣе всѣхъ онъ сошелся съ владыкой казанскимъ,
Строгимъ, суровымъ къ себѣ и къ другимъ, Гермогеномъ.
Въ дружбѣ сердечной они находились другъ съ другомъ,
Въ дружбѣ годами окрѣпшей, зане были оба
Благочестивы и чисты душою и жизнью,
И горячо свою родину оба любили.
Въ тяжкую пору постигшаго Русь лихолѣтья
Онъ находился въ Москвѣ и, вдвоемъ съ Гермогеномъ,
Смѣло народъ увѣщалъ не ввѣряться полякамъ,
Бросить крамолы, изгнать самозванцевъ безбожныхъ
И водворить благочестно исконный порядокъ.

Послѣ-жъ кончины защитника Троицкой лавры,
Іоасафа, въ преемники славному старцу
Архимандритомъ обители этой священной
Былъ Діонисій назначенъ и тутъ-то смиренный
Инокъ Господень вполнѣ свою чистую душу,
Доброе сердце и нравъ свой въ дѣлахъ обнаружилъ.
Бѣдныхъ страдальцевъ, отъ звѣрства бродячихъ злодѣевъ
Пытками страшными полузамученныхъ тяжко,
Онъ подбиралъ по дорогамъ и селамъ окрестнымъ,
Всѣхъ въ монастырь привозилъ, и кормилъ, и лечилъ ихъ;
Тѣлу—пріютъ, а душѣ — утѣшеніе словомъ
Съ братіей самъ подавая, напутствовалъ кротко
Тѣхъ, кто не въ силахъ ужъ былъ одолѣть свою немощь
И, разставаясь въ страданіяхъ съ плотью грѣховной,
Словомъ любви утѣшался и взоромъ участья.
Ночью и днемъ не зналъ Діонисій покоя.
Не о живыхъ онъ заботился лишь, но и мертвыхъ
Братьи приказывалъ тоже сбирать по дорогамъ
И христіанскому ихъ предавать погребенью.
Все, что имѣлося въ лаврѣ въ казнѣ монастырской,
Вклады на душъ поминанье, съѣстные запасы —
Все отдавалъ онъ убогимъ, больнымъ и страдальцамъ,
Въ лавру святую съ окрестныхъ сторонъ привозимымъ.
Но, отдаваясь, какъ инокъ, великому дѣлу
Помощи ближнему, не забывалъ Діонисій
И неурядицы тяжкой надъ Русью царившей.

Въ кельяхъ особенныхъ лавры писцы-черноризцы
Денно и нощно писали, посмѣнно и спѣшно,
Вѣщія граматы, съ коими доблестный инокъ,
Купно вдвоемъ съ Авраміемъ, келаремъ лавры,
Къ русской землѣ обращались, народъ призывая
Подвигъ любви возложить на себя и въ благомъ единеньи,

Бросивъ раздоры, къ Москвѣ поспѣшать неотложно,
Бога смиренно моля, да не дастъ онъ погибнуть
Русскому царству и съ нимъ роднику православья.
Въ Новгородъ, въ Псковъ, на востокъ, и на югъ, и на сѣверъ
Люди надежные, часто платясь головами,
Вѣщія граматы эти тайкомъ развозили.
Вѣруя въ милость Господню, въ святыхъ заступленье,
Въ силы живыя, сокрытыя въ нѣдрахъ народа,
Былъ убѣжденъ Діонисій въ спасеніи царства.
Мнина звалъ онъ скорѣе къ Москвѣ подвигаться,
Чтобы не дать въ ней окрѣпнуть врагу-супостату.
Съ скорбной душой принималъ онъ недобрыя вѣсти,
Что неуряды пошли въ ополченіяхъ земскихъ;
Къ нимъ Авраамія выслалъ утишить раздоры
И водворить среди нихъ добрый миръ и согласье.
Въ день же, когда подъ стѣнами избитыми лавры
Земскую силу народа узрѣли монахи,
Съ радостью сердца великой встрѣчалъ Діонисій
Этотъ послѣдній народный оплотъ и надежду.
Выйдя торжественнымъ ходомъ церковнымъ изъ лавры,
Предъ ополченьемъ молебенъ онъ справилъ соборне
И, окропляя святою водой, со слезами
Всѣхъ горячо умолялъ: не бросать свое дѣло,
Не возвращаться домой малодушно, доколѣ
Кремль осквернённый и русскую землю родную
Богъ отъ враговъ и крамолъ имъ избавить сподобитъ.
Съ страхомъ великимъ онъ вѣсть услыхалъ роковую,
Что казаки не хотятъ подъ Москвой оставаться,
Требуя денегъ. Въ казнѣ монастырской въ то время
Не было ихъ; но нашелся и тутъ Діонисій:
Долго не думая, взялъ онъ церковную утварь,
Все, что еще оставалося въ ризницѣ лавры,
Вмѣстѣ съ иконой Спасителя въ цѣнномъ окладѣ,
Все казакамъ отослалъ, какъ залогъ несомнѣнный,
Впредь до уплаты имъ денегъ за вѣрную службу.
Тронуло сердце казачье такая присылка:
Взять не дерзнули, но всѣ, какъ одинъ, поклялися
Передъ иконой, изъ лавры въ залогъ привезенной,
Не отходить отъ Москвы, пока Богъ не сподобитъ
Кремль и страну отъ враговъ иноземныхъ очистить.
Кончилось тяжкое время, и гнѣвъ Свой на милость
Богъ претворилъ: отъ враговъ и своихъ лиходѣевъ
Русь Онъ избавилъ. Царя всѣмъ соборомъ избравши,

Стала въ порядокъ она приходить постепенно...
Прожилъ онъ жизнь—и въ назначенный часъ неизбѣжный
Богу преставился [1]) въ старости честной и мудрой.
Честью особою прахъ его люди почтили:
Самъ патріархъ Филаретъ со священнымъ соборомъ
Въ храмѣ Успенскомъ, въ Москвѣ, отпѣвалъ всенародно
Старца почившаго. Вспомнили русскіе люди,
Что̀ совершилъ онъ для нихъ и, сознавши заслуги,
Въ лавру святую съ почетомъ его проводили.
Въ ней и покоится мирно незлобивый, мудрый,
Строгій къ себѣ, но любви преисполненный къ ближнимъ,
Правды поборникъ и родины свѣточъ великій,
Этотъ родной, благодатный и истинный инокъ.

Навроцкій.

Козьма Мининъ.

Царство распадалось. Вѣковые корни
Обрубилъ безумно царь самодержавный;
Налетѣли вѣтры вражьей непогоды,
Расшатали древо Руси православной.
Какъ безъ матки пчелы, разбрелись бояре.
О радѣньѣ царству не было помину;
Кто стоялъ за вора, кто склонялся къ шведу,
Кто чинилъ присягу Сигизмунда сыну.
Ляхи и казаки, сброды лиходѣевъ,
Какъ зимою волки, рыскали повсюду,
Грабя, выжигая города и села,
Не чиня пощады и простому люду.
Царство распадалось... Грѣхъ княжеубійства
Искупали тяжко не одни лишь дѣти
Хитраго Бориса, но вся Русь страдала,
Путаясь въ искусно настланныя сѣти.
Все вокругъ кишѣло смутой и раздоромъ,
И въ Кремлѣ Московскомъ потѣшались ляхи.
Лишь въ одной священной Сергіевской Лаврѣ
Все еще держались воины-монахи.
Разсылали письма, убѣждали слезно
Не губить державу во пору лихую,
А смиренно каясь во грѣхахъ великихъ,
Ополчиться дружно за страну родную.
Разлетались всюду вѣщія посланья.

[1]) Архимандритъ Діонисій умеръ въ 1633 году.

Гдѣ не всѣхъ сгубила страшная невзгода,
Тамъ они читались съ паперти, съ амвона,
Западая въ душу русскаго народа.
Той порой лихою въ Новгородѣ-Нижнемъ,
Посреди потомковъ смолкнувшаго вѣча,
Жилъ во страхѣ Божьемъ гражданинъ смиренный,
Соблюдая душу, душу человѣчью.
Къ родинѣ любовью сердце въ немъ горѣло,
Тяжко отзывалось на родное горе;
Жгли его: безправье, рознь, междоусобье,
Вопли разоренныхъ, слезъ народныхъ море.
Слушалъ онъ посланья Сергіевской Лавры,
И увѣтъ духовный старца Гермогена,
Звавшаго глаголомъ смѣлымъ и призывнымъ,
Не боясь мученій вражескаго плѣна.
Изстрадалась тяжко въ немъ душа живая —
И свои, и вражьи всюду супостаты.
И въ дневной работѣ, и въ тиши покоя
Думою одною были въ немъ объяты
Голова и сердце. Горячо и слезно
Дома и во храмѣ день и ночь молился
Онъ за Русь родную; наконецъ, надумалъ —
На великій подвигъ помощи рѣшился.
За обѣдней ранней, вознесяся къ Богу
Всей своей душою чистой и смиренной,
Отстоявъ молебенъ, вышелъ онъ на паперть,
Обратясь къ народу съ рѣчью вдохновенной.
Развернувъ печальный, полный мукъ и горя,
Полный оскудѣнья свитокъ всѣхъ страданій,
Дикаго разгула сброда лиходѣевъ,
Распрей и крамолы страшныхъ злодѣяній,
— „Братья,—молвилъ Мининъ—вспомнимъ Божье слово,
Что сегодня въ храмѣ слушали съ амвона,
Чтобы наше сердце было ежечасно
Все отдать на пользу ближняго готово;
Не жалѣть достатка, не жалѣть и жизни,
Ближняго отъ смерти, отъ нужды спасая,
За святую вѣру, за родную землю,
За родное царство душу полагая.
Соберемся дружно всѣ подъ стягъ единый,
Кликнемъ кличъ призывный на святое дѣло
Родины спасенья, встанемъ поголовно
И пойдемъ на битву мы съ врагами смѣло!

Сила супостата только въ нашей розни,
А сберемся въ кучу, съ волею единой,
И не страшны будутъ вражескія рати,
Расточатся живо передъ нашей силой.
Съ вѣрой въ Божью милость, не кичась гордыней,
А съ молитвой жаркой на устахъ смиренныхъ,
Призовемъ на помощь нашихъ страстотерпцевъ,
Благостью Господней дивно вдохновенныхъ.
Неужели, други, намъ смотрѣть не стыдно
На достатки наши, когда Русь родная
Въ судорогахъ смертныхъ словно птица бьется,
Въ заревахъ пожаровъ кровью истекая?
Въ этакое время стыдно хорониться
Отъ мірского дѣла, дорожа казною,
Дорожа прибыткомъ для своей утробы,
Дорожа стяжаньемъ, да корыстью злою.
Для почина, братья, все, что я имѣю,
Все я полагаю въ складчину мірскую
И молю смиренно—не оставьте, други,
Вы въ годину бѣдствій нашу Русь родную.
Все сюда несите—деньги и товары,
О священной жертвѣ да никто не тужитъ!
Все—и крестъ натѣльный, и окладъ съ иконы,
Все добро земное дѣлу да послужитъ!
Соберемъ достатки, снарядимся сами,
Выберемъ по сердцу рати воеводу,
И пойдемъ на помощь гибнущему царству,
Гибнущему въ мукахъ русскому народу.
Братья! сестры! други! не останьтесь глухи,
Не замкните сердца на мои призывы,
Или Русь ужъ больше намъ не мать родная?
Или человѣчьи души въ насъ не живы?
Мати Пресвятая, помоги намъ грѣшнымъ
Не забыть и нынѣ Божіи завѣты,
Да любовью чистой къ родинѣ и къ ближнимъ
Будемъ мы повиты, будемъ мы согрѣты!“
И дошла до сердца рѣчь его простая.
Несъ свои достатки бѣдный и богатый,
Покрывалась паперть жертвою народной,
Высился горою даръ ихъ тароватый.
Все съ поклономъ низкимъ принималъ Захарычъ;
Всѣ одушевлялись мыслію одною.
Зачиналось дѣло общее, святое,

Загорался свѣточъ надъ страной родною.
Собрались въ дружину, отписали письма
Въ города и веси, слезно призывая
Бросить всѣ раздоры и идти поспѣшно
На защиту Руси и родного края.
Выбрали по сердцу рати воеводу,
Кто въ годину бѣдствій не роднилъ съ измѣной,
Не служилъ корысти, не дружилъ съ врагами,
Пользуясь искусно самозванцевъ мѣной.
Двинулись съ молитвой, съ причтами, съ крестами,
Порѣшивъ: постыдно вспять не возвращаться,
Или всѣмъ погибнуть, иль въ отважныхъ битвахъ,
Черезъ вражьи трупы до Москвы добраться!
Рати всей душою Мининъ оставался;
Вѣдая казною, всюду поспѣвая,
Умирялъ онъ страсти, споры и раздоры,
Власть, мольбы, совѣты мудро расточая.
И Господь склонился на святое дѣло,
Долетѣлъ до неба стонъ многострадальный,
Долетѣли звоны храмовъ и погостовъ,
Звонъ скончанья Руси—тяжкій, погребальный.
Какъ зимой комъ снѣга, рать все возрастала:
Шли къ ней отовсюду вольныя дружины.
Все къ ней устремлялось, какъ стремятся къ морю
По рѣкамъ весною тающія льдины.
Грозной русской силой, смѣлой и отважной,
Рать къ Москвѣ священной тихо подходила;
Подошла—широкимъ станомъ развернулась
И кольцомъ желѣзнымъ городъ окружила.
Шагъ за шагомъ, мѣрно, дружно надвигалась,
Ужъ Кремля предъ нею высились твердыни,
Ужъ была готова, съ вѣрою въ побѣду,
Ринуться на приступъ занятой святыни.
И предъ нею сдался ляшскій воевода.
Въ Кремль московскій стройно Божья рать вступила,
Съ мудростью исконной русскаго народа
Лихолѣтье злое скоро прекратила.
Выгнали поляковъ, справились съ ворами
И, въ Кремлѣ собравшись, выборная сила
На престолъ московскій избрала съ молитвой
Доблестнаго рода отпрыскъ—Михаила.
Кончилъ свое государское дѣло,
Кончилъ почетно Захарычъ Козьма:

Передъ великой народною силой
Скоро исчезла налетная тьма.
Тамъ, въ своемъ Нижнемъ, въ кремлевскомъ соборѣ
Въ церкви подземной лежитъ его прахъ.
Часто тамъ молятся русскіе люди
Жаркой молитвой на скромныхъ устахъ.
Съ чувствомъ священнымъ предъ этой могилой,
Тамъ, далеко отъ мірской суеты,
Передъ родною почившею силой
Клонятъ главу до холодной плиты.
Спи, гражданинъ, почивай безпробудно!
Дѣло великое ты совершилъ,
Дѣло народное, дѣло святое,
Дѣло любви ты во-очью свершилъ.
Святъ и великъ твой прославленный подвигъ,
Вѣрилъ ты въ жизненность русской земли,
И предъ твоею великою мощью
Прахомъ крамолы и смуты легли.
Русское сердце тебя не забудетъ,
Ты наша гордость, нашъ кровный, родной!
И безъ конца притекать къ тебѣ будетъ
Русскій народъ перекатной волной.
Сумраченъ храмъ, гдѣ лежатъ твои кости,
Въ скромной могилѣ сокрыты онѣ;
Слабо мерцая, святыя иконы
Свѣта лампадъ озаряютъ огни.
Но величава въ сказаньяхъ правдивыхъ
Славы народной былина о томъ,
Какъ своей мощной разумною силой
Ты прекратилъ нашей Руси погромъ.
Свѣтомъ любви она свѣтитъ и грѣетъ
Русское сердце въ теченьи вѣковъ,
Изъ-за могилы его охраняя
Отъ себялюбія страшныхъ оковъ.
И не умретъ твоя слава въ народѣ.
Подвигъ любви твой запалъ глубоко.
Спи, гражданинъ! Въ судный часъ воздаянья
Будетъ тебѣ благодатно легко.
Въ ожерельѣ дивномъ дѣятелей правды
Изъ среды народной, славою покрытый,
Свѣтится алмазомъ Руси православной
Сынъ Козьма Захарычъ Мининъ именитый!

Навроцкій.

„Гражданинъ нижегородскій, Козьма Мининъ, не по знатности и родовитости, а по собственнымъ великимъ заслугамъ, по доблестной дѣятельности и самоотверженію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстѣ въ ряду лучшихъ русскихъ людей XVII вѣка. Въ 1611 г., когда Москва была во власти поляковъ и Троицкая лавра выдерживала упорно долгую осаду, одна изъ троицкихъ граматъ прислана была въ Нижній-Новгородъ и прочтена предъ народомъ въ соборной церкви. Тогда земскій староста Козьма Мининъ, торговавшій въ мясномъ ряду, человѣкъ любимый и уважаемый въ народѣ за честность, сталъ говорить гражданамъ: „буде намъ похотѣть помочь московскому государству, то не пожалѣть намъ и животовъ своихъ, и не токмо животовъ своихъ—и дворы свои продавать, и жены и дѣтей закладывати, и бити челомъ, чтобъ кто вступился за вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ“. На предложеніе Пожарскому быть вождемъ ратниковъ, послѣдній принялъ начальство съ условіемъ, чтобы Мининъ завѣдывалъ общественною казною: „быти съ нимъ у такого великаго дѣла и казну сбирать“. Мининъ, воодушевляя гражданъ, склонилъ ихъ пожертвовать пятую часть имущества. Затѣмъ въ походѣ и въ битвѣ подъ Москвою съ поляками Мининъ принималъ дѣятельное участіе. Въ особенности во время отбоя гетмана Хоткевича показалъ онъ свое военное дарованіе и много способствовалъ побѣдѣ русскихъ. По вступленіи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Мининъ пожалованъ саномъ думнаго дворянина и съ того времени засѣдалъ въ московской думѣ

Въ 1616 году Мининъ скончался и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здѣсь на лѣвой сторонѣ, за второю колонною, между гробницами митрополита Павла и архіепископа Питирима, видна доска съ краткою, но краснорѣчивою надписью: „Гражданинъ Козьма Мининъ“. Самая гробница Минина (вмѣстѣ съ гробницами удѣльныхъ князей, княгинь и архіереевъ) находится въ подземной церкви Спасо-Преображенскаго собора. Эта церковь напоминаетъ пещеру: она почти лишена дневного свѣта, и желающіе осмотрѣть ее зажигаютъ свѣчи и такъ сходятъ въ подземелье. Въ этой церкви устроены три придѣла: во имя Казанской иконы Божіей Матери, святыхъ Безсребренниковъ Косьмы и Даміана и святого Великомученика Димитрія Солунскаго. Главный храмъ во имя иконы Казанской Божіей Матери напоминаетъ праздникъ, установленный въ память избавленія Москвы и Россіи отъ поляковъ, совершеннаго главнымъ образомъ усиліями Минина и Пожарскаго. Правый придѣлъ во имя св. Великомученика Димитрія Солунскаго напоминаетъ знаменитое имя князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, а лѣвый — Козьмы Захарьевича Минина. Нижегородская усыпальница до 1851 г. была просто сырымъ и холоднымъ подваломъ. Желая почтить своего знаменитаго земляка, нижегородцы устроили въ усыпальницѣ трехпрестольный храмъ, который и былъ освященъ въ 1851 году преосвященнымъ Іереміею.

Въ этомъ подземномъ храмѣ ежедневно совершается ранняя обѣдня, а 22 октября отсюда ежегодно совершается крестный ходъ къ памятнику Минина и Пожарскаго, при огромномъ стеченіи народа. Въ лѣвомъ придѣлѣ въ честь святыхъ Безсребренниковъ Косьмы и Даміана, гдѣ покоятся семь архіереевъ, погребенъ Козьма Мининъ. На гробницѣ его находится слѣдующая надпись:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчно слава-честь,
Се Миновичъ Козьма здѣ тѣломъ почиваетъ:
Всякъ истинный кто Россъ, да прахъ его лобзаетъ.

Отправляясь въ персидскій походъ, Петръ I въ 1722 году, въ день своего рожденія 30-го мая, слушалъ въ соборѣ обѣдню, самъ пѣлъ на клиросѣ, а потомъ присутствовалъ на панихидѣ по Мининѣ, по окончаніи которой поклонился въ землю передъ гробницею его и сказалъ: „Здѣсь лежитъ избавитель Россіи“. Императоръ Николай I, будучи въ 1836 году 15-го августа въ Нижнемъ-Новгородѣ, также слушалъ панихиду по Мининѣ, назвавъ его „знаменитѣйшимъ“ изъ всего сословія купеческаго. 24 августа 1878 года освященъ памятникъ надъ могилою Минина. Памятникъ находится у сѣверной стѣны Спасо-Преображенскаго каѳедральнаго собора и имѣетъ видъ часовни, возвышающейся въ верхней церкви надъ отверстіемъ, проходящимъ сквозь своды подвальнаго этажа, куда ведутъ двѣ лѣстницы до самой гробницы Минина. Надъ могилой помѣщенъ величественный саркофагъ изъ кіевскаго лабрадора, съ надписью: Преставился о Господѣ думный дворянинъ Козьма Мининъ Сухорукъ лѣта 7124 (1616). На стѣнѣ надъ саркофагомъ возвышается въ мраморномъ кивотѣ, съ золотою рѣзьбою, пожертвованная для украшенія памятника Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ (нынѣ въ Бозѣ почивающемъ Государемъ Императоромъ Александромъ III), икона святыхъ Безсребренниковъ Косьмы и Даміана, предъ нею теплится изящная, въ видѣ креста, лампада. Икона эта помѣщается подъ сѣнью находящагося въ верхней церкви списка съ священнаго для каждаго русскаго стяга (знамени), подъ знаменіемъ котораго князь Пожарскій и Мининъ вели нижегородскія дружины къ Москвѣ. Самое знамя находится съ 1827 года въ Москвѣ. Въ нижнемъ этажѣ церкви, въ великолѣпной склеповой части памятника, начертаны слова лѣтописца: „Бысть въ лѣто 1612 на Москвѣ бояре и вся люди московскіе избраху на московское государство литовскаго королевича Владислава. Литовскіе же люди на Москвѣ сидяху и начаша умышляти, како Московское государство разорити, подъ Москвою же люди о томъ скорбяху и плакахуся, а помощи

никто же можеше содѣяти". Нижняя часть памятника изящно украшена, а на стѣнахъ ея, на вьющихся хартіяхъ русской вязью изложена, по лѣтописцу, вся исторія похода нижегородскаго ополченія въ 1612 году".

Рѣчь Минина къ нижегородцамъ.

(Утро. Площадь въ Кремлѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, недалеко отъ собора).

Мининъ

(выходитъ изъ собора и всходитъ на лобное мѣсто).

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ!
Святители, молитвенники наши
О помощи взываютъ, молятъ слезно;
Вы слышали ихъ слезное прошенье?
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Что-жъ! Развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ-ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ-ль мы братья отъ одной купели?

Голоса.

Мы всѣ Кузьма Захарьичъ, всѣ хотимъ
Помочь Москвѣ и вѣрѣ православной!

Мининъ.

И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній,
Не пощадимъ казны и животовъ:
Мы продадимъ дворы свои и домы,
А будетъ мало: женъ, дѣтей заложимъ!..

Голоса.

Заложимъ женъ! Дѣтей своихъ заложимъ!..

Мининъ.

Что мѣшкать даромъ? время насъ не ждетъ!
Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы:
Изыщемъ, братія, честнаго мужа,

Которому то дѣло за обычай.
Вести къ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править.
Кто воеводой будетъ?

Голоса.

Князь Дмитрій
Михайловичъ Пожарскій! Князь Пожарскій!
Другого намъ не надо!

Мининъ.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами! Гласъ народа—
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ на-спѣхъ.
Теперь, друзья, несите, кто что можетъ,
На дѣло земское, на помощь ратнымъ.
Я, Господи благослови начало,
Свои копленыя и трудовыя
Всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ.

И мы, и мы всѣ за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Другіе голоса.

Что деньги! деньги дѣло наживное:
Какъ живы будемъ, наживемъ опять.

Мининъ.

Да изъ собора я послалъ Нефеда [1]),
Чтобъ изъ дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи [2]) и серьги,
Весь жемчугъ, перстни, ферязи [3]) цвѣтныя,
Камку и бархатъ, соболь и лисицу;
Да взяли-бъ у святыхъ иконъ взаймы,

---

[1]) Сынъ Минина.

[2]) Жемчужная или бисерная бахрома на головныхъ женскихъ уборахъ.

[3]) Мужское длинное платье, безъ перехвата и воротника, съ длинными рукавами; женское платье, застегнутое до земли, которое носили подъ другимъ платьемъ—лѣтникомъ.

На время только, ризы золотыя.
Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять!

Голоса.

Все отдадимъ! теперь не до нарядовъ!
Въ нарядахъ суета мірская ходитъ!

(Начинаются приношенія).

Мининъ.

Ты, Петръ Аксенычъ [1]), стань, блюди казну!
Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то,
Постой у денегъ! Принимайте вмѣстѣ!

(Аксеновъ и старикъ входятъ на Лобное мѣсто
и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ).

Островскій.

Мининъ и Пожарскій.

(Историческая пѣсня).

Какъ въ старомъ то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ.
Какъ ужъ жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ, Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ, нижегородскихъ купцовъ...
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы, гой еси, товарищи, нижегородскіе купцы!
„Оставляйте вы свои домы,
„Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
„Вы продайте все ваше злато-серебро,
„Накупите себѣ вострыхъ копіевъ,
„Вострыихъ копіевъ, булатныхъ ножей,—
„Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
„Удалова молодца, воеводушку...
„Пойдемъ-ка мы сражатися
„За матушку за родну землю,
„За родну землю, за славный городъ Москву.
„Ужъ заполонили-то Москву проклятые народы поляки злы!
„Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,

[1]) Петръ Аксеновъ—старикъ, богатый торговый человѣкъ.

„Самого-то Жигмонта короля ихъ въ полонъ возьмемъ,
„Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ жидовъ,
„Нечестивыхъ жидовъ—поляковъ злыхъ!“
Ужъ какъ выбрали себѣ молодые ратнички,
Молодые ратнички, нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца, воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду—
Князя Дмитрія, по прозванію Пожарскаго.
Ужъ повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.
Ужъ привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко московскімъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ...
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужъ взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ вы, гой еси, храбрые вы ратнички,
„Храбрые вы ратнички, нижегородскіе купцы!
„Помолимся мы на святыя на врата на Спасскія,
„На пречистый образъ Спасителя!“
Помолившись, дѣло начали:
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужъ взошли-то храбрые ратнички въ бѣлокаменный Кремль.
Какъ и начали-то ратнички поляковъ колоть-рубить,
Колоть-рубить, въ большія кучи валить...
Самого-то Жигимонта въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собрались всѣ князья, бояре московскіе,
Собралися думу думати...
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы московскіе:
„Вы скажите, вы, бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взговорютъ бояре воеводы московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
„Изъ бояръ боярина славнаго—
„Князя Дмитрія Пожарскаго сына“.
Какъ и взговоритъ къ боярамъ Пожарскій князь:
„Охъ, вы, гой еси, бояре, воеводы московскіе!
„Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
„Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
„Ужъ скажу же вамъ, бояре, воеводы московскіе:

„Ужъ мы выберемъ себѣ въ православные цари
„Изъ славнаго, изъ богатаго дома Романова—
„Михаила сына Ѳедоровича".
И выбрали себѣ въ цари—Михаила сына Ѳедоровича.

Въ народномъ воспоминаніи свѣжи были страданія семейства Романовыхъ при Годуновѣ, заточеніе Филарета и его супруги. Народъ въ послѣднее время много перенесъ бѣдствій и потому, естественно, его сочувствіе обращалось къ такому роду, который заодно съ народомъ много пострадалъ. Послѣдній подвигъ Филарета, его твердое поведеніе въ дѣлѣ посольства, его плѣненіе, совершенное беззаконно врагами, все давало ему въ народномъ воображеніи значеніе мученика за вѣру и за русскую землю. Наконецъ въ народѣ сохранились болѣе давнія преданія о царицѣ Анастасіи, жившей въ лучшее время для русскаго народа, о Никитѣ Романовичѣ, о которомъ говорили и даже пѣли въ пѣсняхъ, что онъ по своему благодушію заступался за гонимыхъ при Іоаннѣ Грозномъ. Все это вмѣстѣ располагало русскихъ избрать Михаила Ѳеодоровича Романова. Какъ смотрѣли сами выборные люди на избраніе Михаила, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ Михаилу посланными отъ земскаго собора: „Тебя убо, превеликій государь, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодью предъизбра, но по праведному суду Божію сіе царское избраніе на тебѣ, великомъ государѣ, возложи... Не мы сей подвигъ сотворихомъ, но Пречистая Богородица съ великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына своего и Бога нашего изволи исполнити на тебѣ, государѣ нашемъ".

Памятникъ Козьмѣ Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ.

Много есть на Руси монументовъ-колоннъ
Въ память доблестныхъ дѣлъ, въ честь великихъ именъ:
Благодарная Русь ими чтила людей,
Что въ поту и трудѣ порадѣли о ней,
Послужили родной, кто мечомъ, кто перомъ,
И оставили ей память многимъ добромъ.
Много есть на Руси монументовъ такихъ;
Но одинъ я люблю какъ-то больше другихъ:
Онъ стоитъ средь Москвы предъ завѣтнымъ Кремлемъ,—
И глубокая мысль отразилася въ немъ...
Мысли этой простой не поймете тотъ одинъ,
Кто привыкъ мѣрить Русь на заморскій аршинъ.
Да, вглядитесь, та мѣдь чуднымъ смысломъ полна!
Для меня, какъ символъ, выражаетъ она—

Образъ кровныхъ родныхъ вѣковыхъ нашихъ узъ:
То съ народомъ боярь добровольный союзъ,
Безобманный завѣтъ между русскихъ людей
Предъ лицомъ алтаря, у престола царей,
Чѣмъ крѣпка на Руси межъ дѣтьми ея связь.
Въ дѣлѣ земскомъ сошлись гражданинъ здѣсь и князь,
И надъ ними въ выси крестъ кремлевскій горитъ.
„Князь!“ Мнѣ слышится, такъ гражданинъ говоритъ:
„Мечъ начальства прими. Мы пойдемъ за тобой
„И за матушку Русь станемъ крѣпко стѣной;
„Храмы Божьи и тронъ отстоимъ, оградимъ
„И въ обиду родной никому не дадимъ.
„Ты иди, а ужъ мы не отстанемъ, повѣрь;
„Всѣ пойдемъ мы съ тобой и всегда, какъ теперь“.

Розенгеймъ.

„Въ Москвѣ на срединѣ Красной площади, противъ Кремля, стоитъ вылитый изъ бронзы памятникъ гражданину Козьмѣ Минину и воеводѣ князю Пожарскому. Мининъ стоитъ передъ больнымъ княземъ Пожарскимъ, указываетъ на Кремль и, вручая ему мечъ отъ лица отечества и щитъ съ изображеніемъ Спасителя, какъ бы говоритъ: „Поспѣшимъ спасти Москву и отечество!“ Взоры сидящаго на постели Пожарскаго обращены къ небу и выражаютъ молитву: „Боже Спаситель нашъ! Ополчи немощную руку мою и благослови начинаніе наше!“ Подножіе памятника украшаютъ двѣ бронзовыя выпуклыя картины (барельефы). На одной представлено, какъ нижегородцы сносятъ на площадь свое имущество и ведутъ сыновей своихъ для всеобщаго вооруженія; на другой изображено бѣгство поляковъ изъ Кремля и преслѣдованіе ихъ нашими воинами. На памятникѣ надпись: „Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія, лѣта 1818“. (Сближеніе событій „французскаго“ 1812 года съ событіями „польскаго“ 1612 года воскресило въ памяти потомства имена и подвигъ главныхъ дѣятелей смутнаго времени и родило мысль о созданіи имъ достойнаго памятника).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ есть также памятникъ Минину и Пожарскому. Онъ поставленъ въ Кремлѣ на крутомъ обрывѣ берега и представляетъ собою гранитный обелискъ въ 30 футовъ высоты, покоющійся на двойномъ, также гранитномъ, подножіи (пьедесталѣ). На одной сторонѣ памятника сдѣлано выпуклое изображеніе Козьмы Минина, съ обнаженной головой; надъ головой изображены два генія, держащіе вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ; внизу подпись: „Гражданину Минину благодарное потомство, 1826 года“. Съ другой стороны—изображеніе князя Пожарскаго въ шлемѣ и латахъ и также подпись: „Князю Пожарскому благодарное потомство 1826 года“.

Мечъ Пожарскаго.

(Въ Московской Оружейной палатѣ).

Здѣсь много видимъ мы и рѣдкостей и славы,
Доспѣховъ и державъ, престоловъ и вѣнцовъ,
Здѣсь Русская земля скрижалью величавой
Почтила подвиги исчезнувшихъ вѣковъ,
И доблесть воиновъ, и мудрость государей,
И преданность гражданъ, и пастырей мольбу,
Здѣсь могутъ вопрошать преданья и судьбу
Историкъ мыслящій и страстный антикварій,
Владимиръ и Борисъ, татары и Мстиславъ,—
Всѣ слѣдъ оставили въ таинственной палатѣ.
Но больше всѣхъ вѣнцовъ, престоловъ золотыхъ,
Но больше всѣхъ кольчугъ, доспѣховъ позлащенныхъ,
И кубковъ дѣдовскихъ, и чарокъ вѣковыхъ,
И всѣхъ сокровищъ, тутъ вѣками взгроможденныхъ,
Мнѣ любъ здѣсь мечъ одинъ,—мечъ бѣдный и простой,
Безъ пышнаго герба, мечъ ратника стальной...
Но онъ одинъ рѣшилъ событья міровыя;
Но въ битву сотни онъ водилъ другихъ мечей,
Побѣдой искупилъ честь родины своей:
То мечъ Пожарскаго, спасителя Россіи!
Смотри же на него, боярей русскихъ сынъ,
Смотри, отечество! слуга и гражданинъ!
Благоговѣй предъ нимъ и помни: чистой славы
И доблести прямой свидѣтель величавый,
Сей мечъ намъ къ родинѣ велитъ питать любовь,
Служить и дѣломъ ей, и словомъ, и совѣтомъ!
Склони главу предъ нимъ,—и удались съ обѣтомъ
За Русь не пощадить ни жизнь свою, ни кровь!

Ростопчина.

„Когда по предложенію Минина стали собираться въ Нижнемъ Новгородѣ ратные люди для освобожденія Москвы, то для такого великаго дѣла нуженъ былъ воевода не только искусный въ ратномъ дѣлѣ, но, что̀ еще важнѣе, безукоризненно нравственный, незапятнанный никакимъ чернымъ дѣломъ; такимъ воеводой былъ избранъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Происходя изъ небогатаго княжескаго рода, Пожарскій не запятналъ себя въ смутное время никакимъ безчестнымъ

поступкомъ; онъ вѣрно служилъ Шуйскому и не присталъ къ тушинскому вору, а послѣ низложенія Шуйскаго присягнулъ Владиславу вмѣстѣ съ Москвой, не выпрашивалъ однако себѣ милостей отъ польскаго короля; принявъ затѣмъ участіе въ ополченіи Ляпунова, онъ былъ раненъ въ битвѣ съ поляками во время сожженія Москвы и жилъ въ это время въ своемъ имѣніи, поправляясь отъ ранъ. По предложенію Минина, нижегородцы просили Пожарскаго стать во главѣ народнаго ополченія. „Радъ я вашему совѣту, отвѣчалъ имъ Пожарскій, готовъ хоть сейчасъ ѣхать, но выберите прежде изъ посадскихъ людей, кому со мной у такого великаго дѣла быть и казну собирать“, и указалъ имъ при этомъ на Минина: „бывалъ онъ человѣкъ служилый и ему это дѣло за обычай“. Мининъ согласился. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича Пожарскій возведенъ былъ въ санъ боярина и еще не разъ водилъ войска противъ поляковъ, крымцевъ и запорожцевъ, а также принималъ участіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшею и Швеціею. Онъ умеръ въ 1642 г., въ глубокой старости, и погребенъ въ суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ“.

Смерть патріарха Гермогена.

(† 17 февраля 1612 г.).

Обездолена крамолой,
Въ безднѣ смуты утопая,
Какъ корабль, гонимый бурей,
Погибаетъ Русь святая.
На Москвѣ пануютъ ляхи,
И измѣной безпримѣрной
Нагло выбранъ ужъ на царство
Королевичъ иновѣрный;
И засѣвъ въ Кремлѣ, поляки
И измѣнники-бояре
Шумно, весело гуляютъ,
Словно въ бѣшеномъ угарѣ.
Вдругъ нежданное извѣстье.
Все въ испугѣ, все въ смущеньи!
Нижній Новгородъ поднялся!..
Собралося ополченье!..
Князь Пожарскій воеводой
Выбранъ цѣлою землею
И съ могучей земской ратью
Скоро будетъ подъ Москвою!..
Истомленнаго страданьемъ,
Въ узахъ тягостнаго плѣна,
Непощадно мучатъ ляхи
Патріарха Гермогена,
Вымогая, чтобъ святитель,
Грознымъ пастырскимъ пре-
щеньемъ,
На Москву низовой рати
Задержалъ бы наступленье.
Но безсильны надъ владыкой
Все: и лесть, и истязанье;
Шлетъ святитель вѣрной рати
Не запретное посланье,
А въ глазахъ враговъ смущенныхъ
Онъ ее благословляетъ
И помочь ей благость Божью
Со слезами умоляетъ.
Изможденъ святитель пыткой,
Истощились старца силы,
И предъ нимъ ужъ ангелъ смерти
Отворяетъ дверь могилы.
Но душа его святая,

На порогѣ самомъ рая,
Все болѣетъ и томится
О судьбѣ родного края.
И въ предсмертной агоніи,
Помертвѣлыми устами,
Все о немъ онъ молитъ Бога,
Молитъ жарко со слезами.
Вдругъ подвалъ сырой и смрадный,
Гдѣ въ оковахъ онъ томился,
Преисполнясь ѳиміамомъ,
Чуднымъ свѣтомъ озарился.
И предсталъ предъ страстотерпцемъ
Убѣленный сѣдинами,
Въ черной ипока одеждѣ,
Нѣкій старецъ, ветхій днями.
И прозрѣньемъ духа свыше,
Умирающій святитель
Угадалъ, кто сей нежданный,
Не отъ міра посѣтитель.
Былъ то Сергій преподобный,
Радонежскій чудотворецъ,
Вѣстникъ милости Господней,
Божьей правды ратоборецъ,
Неустанный, неумолчный,
Передъ благостью небесной,
За святую Русь предстатель
И молитвенникъ болѣзный,
Кто своимъ благословеньемъ,
Въ пору бѣдствія иного,
Укрѣпилъ на бой съ Мамаемъ
Князя Дмитрія Донского.
„— Миръ тебѣ, мой братъ о Богѣ!
Кротко молвилъ гость чудесный,
Услыхалъ твою молитву
Сердцевѣдецъ Царь Небесный.
На твое, за Русь родную,
Призирая сокрушенье,
Принести тебѣ Онъ, брате,
Мнѣ дозволилъ утѣшенье.
Шлетъ тебѣ Онъ благовѣстье —
Отжени тоску сомнѣнья:
Не погибнетъ Русь святая,
Близокъ часъ ея спасенья!
Не погибнетъ Русь святая,
Врагъ надъ ней не вознесется.
Сила земская возстала —
Братъ мой, вѣруй! Русь спасется!
Эта сила Русь вовѣки
Не продастъ и не обманетъ,
Эта сила скоро-скоро
Подъ Москвою грозно станетъ,
Грозно схватится съ врагами,
И пробьетъ къ Москвѣ дорогу,
И въ Кремлѣ завѣтномъ скоро
Грянетъ „Слава въ вышнихъ Богу!“
Сокровенны для живущихъ
Тайны Божья провидѣнья,
Но тебѣ Господь въ часъ смертный
Посылаетъ откровенье.
Аки золото въ горнилѣ
Огнь палящій очищаетъ,
Какъ булатъ на наковальнѣ
Подъ ударами крѣпчаетъ,
Какъ въ природѣ бури, грозы,
Сокрушая то, что̀ хило,
Возбуждаютъ, укрѣпляютъ
Все, что̀ здраво, въ чемъ есть сила;
Такъ, въ путяхъ Непостижимый,
Днями скорби и страданья,
Воспитуетъ Богъ народы
На великое призванье.
Братъ мой, внемли! возвѣщаю
Волю Господа святую!
Ждетъ удѣлъ великій въ мірѣ
Нашу родину земную.
Будетъ время, средь народовъ
Русь высоко вознесется,
Но тяжелыми путями
Пробиваться ей придется.
И не разъ еще случится
Ей извѣдать горе злое,
Гнетъ неволи и безправья,
Горе смуты и крамолы,
Пришлыхъ хищниковъ обиды,

Скорби всяческой невзгоды;
Будутъ грозно подыматься
На нее войной народы.
Устроятъ ей будутъ ковы,
Зломъ иль завистью объяты,
И свои лихіе люди,
И чужіе супостаты.
И не разъ казаться будетъ,
Что подъ гнетомъ бѣдъ и горя
Краю нашему родному
Не отбиться въ этомъ спорѣ,
Не изжить ему бездолья
Выше силы, выше мѣры;
Возликуютъ супостаты,
Усомнятся маловѣры.
Но и въ черную годину,
Посреди борьбы неравной,
Не погибнетъ Русь святая
И народъ нашъ православный.
И съ враждою, и съ бѣдою
Онъ управиться сумѣетъ;
Все онъ, стойкій, переможетъ,
Все онъ, крѣпкій, одолѣетъ.
И дождется, и добьется
Онъ за всѣ свои невзгоды
Царства свѣта, царства правды,
Царства мира и свободы!"—
Смолкнулъ Божій благовѣстникъ,
Скрылось чудное видѣнье.
Старецъ взоръ возвелъ на небо
И воскликнулъ въ умиленьи:
„— Русь не сгибнетъ! Русь спасется!..
Боже благости великой!
Отпущаеши Ты съ миромъ
Нынѣ, Господи Владыко,
Своего раба; прими же
Ты его въ свою обитель!"—
И почилъ съ послѣднимъ словомъ
Успокоенный святитель.
Опочилъ онъ, русскимъ людямъ
Крѣпко вѣрить завѣщая,
Что отъ всяческой невзгоды
Отстоится Русь святая.

Розенгеймъ.

„Патріархъ Гермогенъ покрылъ имя свое безсмертною славою въ смутное время. Въ 1589 году онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Казанскаго и Свіяжскаго и 17-ть лѣтъ управлялъ своею епархіею. При Лжедимитріи Гермогенъ подвергся опалѣ за требованіе, чтобы Марина перешла въ греческую вѣру; но Василій Шуйскій, воцарившись въ Москвѣ, возвелъ его на патріаршій престолъ и нашелъ въ немъ ревностнаго защитника. Когда въ Москвѣ раздался ропотъ, требовавшій низложенія Шуйскаго, патріархъ возсталъ противъ желанія недовольныхъ и отстаивалъ царя; но, наконецъ, уступая силѣ, заклиналъ бояръ не жертвовать церковью выгодамъ государственнымъ и предлагалъ въ цари или князя Василія Голицына, или юнаго Михаила, внука Анастасіи Романовны. Но представители народа согласились на избраніе польскаго королевича Владислава и заключили съ гетманомъ Жолкѣвскимъ договорную грамату, по которой Владиславъ долженъ былъ принять православіе. Сильно любя отечество и желая избавить его отъ безначалія, Гермогенъ соглашался признать царемъ Владислава, если только онъ приметъ православную вѣру; но когда онъ увидѣлъ, что подъ именемъ Владислава хочетъ управлять Русскою землею самъ Сигизмундъ, то несмотря на угрозы (измѣнникъ изъ русскихъ Салтыковъ грозилъ Гермогену ножомъ, Гонсѣвскій,

польскій воевода, заключилъ его въ Кирилловомъ подворьѣ, а измѣнники русскіе дѣлали ему разныя обиды и оскорбленія), патріархъ все-таки остался вѣренъ своему отечеству: возбуждалъ народъ воззваніями къ возстанію на враговъ и благословилъ ополченіе Ляпунова, а потомъ Пожарскаго. Заключенный въ тюрьму Гермогенъ, томимый голодомъ, молился за отечество и скончался въ своей темницѣ 17 февраля 1612 года. Его гробница находится въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ среди гробницъ другихъ московскихъ патріарховъ".

Предсмертное видѣніе патріарха Гермогена.

Мученія голода могъ перенесть онъ,
Но жить безъ питанья не могъ,
И бренность ничтожнаго нашего тѣла
Сломила его, и онъ слегъ.
На пятыя сутки забылся владыка
И впалъ въ лихорадочный бредъ,
Но все призывалъ милосердіе Бога
Спасти отъ ужаснѣйшихъ бѣдъ
Родную страну, и не дать ей погибнуть
Отъ тяжкихъ раздоровъ вождей,
И строго, и гнѣвно ее наказуя,
Явить свою милость надъ ней.
Ему представлялась народная сила,
Могучая сила земли,
Которой дружины, какъ грозныя тучи,
Кольцомъ вражій станъ облегли.
Онъ видѣлъ, какъ въ яростной битвѣ мѣшались
И вражьи, и русскихъ полки,
Какъ ближе и ближе они надвигались,
Какъ стойко дрались поляки.
И долго та битва кипѣла, и долго
Сломить вражій станъ не могла,
И быстро рѣдѣла народная сила,
И большею частью легла.
Но вотъ, наконецъ, одолѣли поляковъ,
Пощады не дали врагамъ,
Прогнали злодѣевъ и въ Кремль златоверхій
Стеклись на молитву во храмъ.
Смиренно народъ предъ святыней Господней
Добычу побѣды сложилъ,

И онъ, патріархъ Гермогенъ, на амвонѣ
Соборне молебенъ служилъ.
Съ какою отрадой свершалъ онъ служенье,
И всѣ повторяли за нимъ:
И вѣчную память усопшимъ собратьямъ,
И многая лѣта живымъ.
Окончивъ молебенъ соборне, владыка
На Красное вышелъ крыльцо,
И было свѣтло, и сіяло, какъ солнце,
Его испитое лицо.
И пала толпа передъ нимъ на колѣни,
И онъ осѣнилъ ихъ крестомъ.
О, какъ онъ гордился такого народа
Духовнымъ считаться отцомъ!
А вотъ и потомокъ державнаго рода,
Избранникъ всей русской земли,
Кого, по свободному міромъ желанью,
Всѣ дружно царемъ нарекли,
Стоитъ передъ нимъ... вотъ склонился смиренно,
Крестомъ свою грудь осѣнилъ
И ждетъ, чтобы онъ, Гермогенъ, всенародно
Тотъ выборъ вѣнцомъ утвердилъ.
Какою-то чудною силой подъятый,
Страдалецъ поднялся съ земли:
Въ такое мгновенье ни голосъ, ни муки
Его одолѣть не могли.
Подъявъ ослабѣвшія руки, владыка
Какъ будто вѣнецъ возложилъ,
Вздрогнулъ... пошатнулся... и грохнулся на земь,
И очи навѣки смежилъ.

Навроцкій.

Освобожденіе Москвы.

(25 октября 1612 г.).

Въ какомъ ты блескѣ нынѣ зрима,
Княженій знаменитыхъ мать!
Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Вѣнецъ твой перлами украшенъ,
Алмазный скиптръ въ твоихъ рукахъ;
Верхи твоихъ огромныхъ башенъ

Сіяютъ въ златѣ, какъ въ лучахъ;
Отъ норда, юга и востока,
Отвсюду быстротой потока
Къ тебѣ сокровища текутъ;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А дѣвы—розами цвѣтутъ!
Но нѣкогда и ты стенала
Подъ бременемъ различныхъ золъ;
Едва корону удержала
И свой клонившійся престолъ;
И ты съ лица земного круга
Едва не скрылась отъ очесъ!
Сарматъ простеръ къ тебѣ длань друга,
И остро копіе вознесъ!
Вознесъ—и храмы воспылали,
На дѣвахъ цѣпи зазвучали,
И кровь ихъ братьевъ потекла!
„Я гибну, гибну!“ ты рекла,
Вращая устрашенно око:
„Спасай меня, о, Геній мой!“
Увы молчанье вкругъ глубоко,
И мечъ, висящій надъ главой!
Гдѣ ты, славяновъ храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, россійска мочь!
Москва въ плѣну, Москва уныла,
Какъ мрачная осенняя ночь.
Возстала! все восколебалось,
И князь, и ратай, старъ и младъ,
Все въ крѣпку броню ополчалось!
Перуновъ возблисталъ булатъ!
Но кто изъ тысячъ видимъ мною,
Въ сѣдинахъ бодръ и сановитъ?
Онъ долженъ быть вождемъ, главою,—
Пожарскій то, Россіи щитъ!..
Восторгъ, восторгъ я ощущаю!
Пылаю духомъ и лечу!
Гдѣ лира? смѣло начинаю!
Я подвигъ предка пѣть хочу!
Уже гремятъ въ поляхъ кольчуги;
Далече пыль встаетъ столбомъ;
Идутъ Россіи вѣрны слуги;
Несетъ ихъ вождь Пожарскій громъ!

Отъ кликовъ рати воютъ рощи,
Дремавши въ мертвой тишинѣ;
Свѣтило дня и звѣзды нощи
Героя видятъ на конѣ;
Летитъ—и взоромъ лучъ отрады
Въ сердца унывшія лiетъ;
Летитъ, какъ вихрь, и движетъ грады
И веси за собою вслѣдъ!
„Къ щитамъ, къ щитамъ зоветъ сармата!
Погибель намъ минуты трата!
Я видѣлъ войско супостатъ:
Какъ змiй хребетъ свой изгибаетъ,
Главой уже коснулось вратъ,
Хвостомъ все поле покрываетъ“.
Вдругъ стогны ратными сперлись—
Мятутся, строются, дѣлятся,
У вратъ, бойницъ, вкругъ стѣнъ толпятся;
Другiе вихремъ понеслись
Славянамъ и громамъ навстрѣчу.
И се зрю зарево кругомъ,
Въ дыму и въ пламѣ страшну сѣчу!
Со звономъ сшибся щитъ съ щитомъ—
И разомъ сильнаго не стало!
Ядро во мракѣ зажужжало,
И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ!
Здѣсь бурный конь, съ копьемъ во чревѣ,
Вскочивши на дыбы, заржалъ
И навзничь грянулся на землю,
Покрывши всадника собой;
Отвсюду трескъ и громы внемлю,
Глушащи скрежетъ, стонъ и вой...
Трикраты день возсiявалъ,
Трикраты ночь его смѣняла,
Но бой еще не преставалъ
И смерть руки не утомляла;
Еще Пожарскiй мещетъ громъ,
Вездѣ летаетъ онъ орломъ—
Тамъ гонитъ, здѣсь разитъ, караетъ,
Ударъ ударомъ умножаетъ,
Колебля мощь литовскихъ силъ;
Сторукiй исполинъ трясется—
Падетъ—издохъ! и вопль несется:
„Ура! Пожарскiй побѣдилъ!“

И въ градѣ отдалось стократно:
„Ура! Москву Пожарскій спасъ!“
О, утро памятно, пріятно!
О, вѣчно-незабвенный часъ!
Кто дастъ мнѣ кисть животворящу,
Да радость напишу горящу
У всѣхъ на лицахъ и въ сердцахъ?
Да яркой изражу чертою
Народъ, воскресшій на стѣнахъ,
На кровахъ,—и съ высотъ къ герою
Вѣнки, летящи на главу,
Сиклитъ, побѣдну пѣснь поющій,
Съ хоругви въ срѣтенье идущій,
И въ пальмахъ свѣтлую Москву?..
Но гдѣ герой? куда сокрылся?
Гдѣ сонмъ и князей и бояръ?
Откуда звучный кликъ пустился?
Не царство-ль онъ пріемлетъ въ даръ?—
О! что я вижу? Побѣдитель
Москвы, отечества спаситель,
Забывши древность, подвигъ дня
И вкругъ его гремящу славу,
Вручаетъ юношѣ державу,
Предъ нимъ колѣно преклоня!
„Ты кровь царей!“ вѣщалъ Пожарскій:
„Отецъ твой въ узахъ у враговъ,
Прими вѣнецъ и скипетръ царскій,
Будь русскихъ радость и покровъ!“
А ты, герой, пребудешь ввѣки
Ихъ честью, славой, образцомъ!
Гдѣ горы небо прутъ челомъ,
Тамъ шумныя помчатся рѣки;
Изъ блатъ дремучій выйдетъ лѣсъ;
Въ степяхъ возникнутъ вертограды;
Родятся и исчезнутъ грады;
Натура новыхъ тьму чудесъ
Откроетъ взору изумленну;
Освѣтитъ новый лучъ вселенну:
И воинъ, отъ твоей крови,
Тебя воспомнитъ, возгордится
И паче, паче утвердится
Въ прямой къ отечеству любви!

Дмитріевъ.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова.

(21 февраля 1613 г.).

(Историческая пѣсня).

Что же вы, ребятушки, призадумалися,
Призадумалися, прикручинилися?
Или вы, ребятушки, каку слышали печаль?
Какъ и взговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Иль не знаешь ты, дѣтина, горя нашего?
„Переставился во полуночи Василій царь,
„И не знаемъ теперь и не вѣдаемъ—кому царемъ у насъ быть!“
Какъ взговоритъ дѣтина добрый молодецъ:
„Позабудьте, братцы, горе общее!..
„Не возвратить намъ царя бѣлаго,
„Не оплакать его душу добрую!
„Но скажу вамъ, братцы, вѣсточку новую:
„Уже бояре-воеводы намъ выбрали царя
„Изъ славнаго богатаго роду Романова—
„Михаила сына Ѳедоровича“.

Иванъ Сусанинъ.

„Куда ты ведешь насъ?.. Не видно ни зги!“
Сусанину съ сердцемъ вскричали враги;
„Мы вязнемъ и тонемъ въ сугробинахъ снѣга;
Намъ, знать, не добраться съ тобой до ночлега.
Ты сбился, братъ; вѣрно, нарочно съ пути,
Но тѣмъ Михаила тебѣ не спасти!
„Пусть мы заблудились, пусть вьюга бушуетъ,
Но смерти отъ ляховъ вашъ царь не минуетъ...
Веди-жъ насъ, такъ будетъ тебѣ за труды;
Иль бойся—недолго у насъ до бѣды!
Заставилъ всю ночь насъ пробиться съ мятелью...
Но что тамъ чернѣетъ въ долинѣ за елью?“
„Деревня!“—сарматамъ въ отвѣтъ мужичекъ:
„Вотъ гумна, заборы, а вотъ и мостокъ.
За мною! въ ворота: избушечка эта
Во всякое время для гостя нагрѣта.
Войдите—не бойтесь!“—„Ну, то-то, москаль!..

Какая же, братцы, чертовская даль!“
„Такой я проклятой не видывалъ ночи!
Слѣпились отъ снѣгу соколіи очи...
Жупанъ мой—хоть выжми, нѣтъ нитки сухой!“—
Вошедъ, проворчалъ такъ сарматъ молодой.
„Вина намъ, хозяинъ, мы смокли, иззябли!
Скорѣй! не заставь насъ приняться за сабли!“
Вотъ скатерть простая на столъ постлана,
Поставлено пиво и кружка вина,
И русская каша и щи предъ гостями,
И хлѣбъ передъ каждымъ большими ломтями.
Въ оконницы вѣтеръ, бушуя, стучитъ;
Уныло и съ трескомъ лучина горитъ.
Давно ужъ за полночь... Сномъ крѣпкимъ объяты,
Лежатъ беззаботно по лавкамъ сарматы,
Всѣ въ дымной избушкѣ вкушаютъ покой;
Одинъ насторожѣ Сусанинъ сѣдой:
Вполголоса молитъ въ углу у иконы
Царю молодому святой обороны.
Вдругъ кто-то къ воротамъ подъѣхалъ верхомъ.
Сусанинъ поднялся и къ двери тайкомъ...
„Ты-ль это, родимый?.. А я за тобою!
Куда ты уходишь ненастной порою?
За-полночь... а вѣтеръ еще не затихъ...
Наводишь тоску лишь на сердце родныхъ!“
„Приводитъ самъ Богъ тебя къ этому дому!
Мой сынъ, поспѣшай же къ царю молодому:
Скажи Михаилу, чтобъ скрылся скорѣй,
Что гордые ляхи по злобѣ своей
Его потаенно убить замышляютъ
И новой бѣдою Москвѣ угрожаютъ!
„Скажи, что Сусанинъ спасаетъ царя,
Любовью къ отчизнѣ и вѣрѣ горя.
Скажи, что спасенье въ одномъ лишь побѣгѣ
И что ужъ убійцы со мной на ночлегѣ“.
„Но что ты затѣялъ? подумай, родной!
Убьютъ тебя ляхи... Что будетъ со мной?
„И съ юной сестрою и съ матерью хилой?“—
„Творецъ защититъ васъ святой своей силой.
Не дастъ Онъ погибнуть, родимые, вамъ:
Покровъ и помощникъ Онъ всѣмъ сиротамъ.
Прощай же, о, сынъ мой, намъ дорого время
И помни: я гибну за русское племя!“—

Рыдая, на лошадь Сусанинъ младой
Вскочилъ и помчался свистящей стрѣлой.
Луна, между тѣмъ, совершила полъ-круга;
Свистъ вѣтра умолкнулъ, утихнула вьюга;
На небѣ восточномъ зардѣлась заря:
Проснулись сарматы, злодѣи царя.
„Сусанинъ!“—вскричали:—„что молишься Богу?
Теперь ужъ не время: пора намъ въ дорогу!“
Оставивъ деревню, шумящей толпой
Въ лѣсъ темный вступаютъ окольной тропой,
Сусанинъ ведетъ ихъ... Вотъ утро настало,
И солнце сквозь вѣтви въ лѣсу засіяло;
То скроется быстро, то ярко блеснетъ,
То тускло засвѣтитъ, то вновь пропадетъ...
Стоятъ не шелохнясь и дубъ, и береза;
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза,
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, прошумитъ,
И дятелъ дуплистую иву долбитъ.
Другъ за другомъ идутъ въ молчаньи сарматы;
Все далѣ и далѣ сѣдой ихъ вожатый.
Ужъ солнце высоко сіяетъ съ небесъ;
Все глуше и диче становится лѣсъ,
И вдругъ пропадаетъ тропинка предъ ними.
И сосны, и ели, вѣтвями густыми
Склонившись угрюмо до самой земли,
Дебристую стѣну изъ сучьевъ сплели.
Вотще насторожѣ тревожное ухо:
Все въ томъ захолустьѣ и мертво и глухо...
„Куда ты завелъ насъ?“—ляхъ старый вскричалъ.
„Туда, куда нужно!“—Сусанинъ сказалъ.
„Убейте, замучьте!—моя здѣсь могила!
Но знайте и рвитесь,—я спасъ Михаила!
Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли:
Ихъ нѣтъ и не будетъ на Русской земли!
Въ ней каждый отчизну съ младенчества любитъ
И душу измѣной свою не погубитъ“.—
„Злодѣй!—закричали враги, закипѣвъ:
„Умрешь подъ мечами!“—„Не страшенъ вашъ гнѣвъ!
Кто русскій по сердцу, тотъ бодро и смѣло
И радостно гибнетъ за правое дѣло!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнувъ умру за царя и за Русь!“—
„Умри же!“—сарматы герою вскричали,—

И сабли надъ старцемъ свистя засверкали.
„Погибни, предатель! конецъ твой насталъ!“
И твердый Сусанинъ весь въ язвахъ упалъ;
Снѣгъ чистый чистѣйшая кровь обагрила:
Она для Россіи спасла Михаила.

Рылѣевъ.

„Къ замѣчательнымъ лицамъ смутнаго времени относится Сусанинъ, который былъ крестьяниномъ села Домнина Костромского уѣзда и жилъ въ выселкѣ Деревнищи. Когда Михаилъ Ѳедоровичъ, его бояринъ, находился съ матерью, инокиней Марѳой, въ своей костромской вотчинѣ, въ селѣ Домнинѣ, то поляки послали въ Кострому наѣздниковъ, чтобы схватить и убить Михаила. Сусанинъ, узнавъ объ этомъ, послалъ зятя своего увѣдомить Михаила о предстоявшей опасности, а самъ, взявшись провожать поляковъ къ Михаилу, завелъ ихъ въ противоположную сторону, въ непроходимые лѣса и здѣсь отказался вести ихъ далѣе; тогда поляки изрубили его. У Сусанина была одна дочь Антонида, замужемъ за крестьяниномъ Богданомъ Сабининымъ. Ей и дѣтямъ ея, Даніилѣ и Константину, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ „за терпѣніе и за кровь Ивана Сусанина“ была дана въ родовую отчину пустошь Коробово въ Костромскомъ уѣздѣ, съ обѣленіемъ ихъ съ потомствомъ отъ всякихъ податей и повинностей“.

На памятникъ, сооружаемый Сусанину.

Тебѣ-ль чугунъ, тебѣ ли мраморъ ставить,
Сусанинъ, доблестный и вѣрный гражданинъ,
Святой Руси достойный сынъ?..
Тебя ли можемъ мы чрезъ памятникъ прославить?
Увѣковѣчимъ ли тебя въ странѣ твоей
Дѣяньемъ рукъ и грудами камней?..
Чугунъ растопится... полудня мраморъ бѣлый
Раздробятъ долгіе морозы русскихъ зимъ...
Есть памятникъ иной: онъ твердъ, несокрушимъ,
Онъ силенъ и великъ, какъ ты, Сусанинъ смѣлый!
Сей вѣчный памятникъ давно сооруженъ
Тебѣ въ сердцахъ признательныхъ потомковъ:
Во дни крамолъ и смутъ изъ пепла, изъ обломковъ,
Съ Россіей новою возсталъ, какъ Фениксъ, онъ
И съ нею все растетъ, могучій и спокойный.
Да!.. благоденствіе и слава Россіянъ,
Да!.. громкія хвалы позднѣйшихъ согражданъ,—
Вотъ памятникъ, Сусанина достойный!

Ростопчина.

„За славный подвигъ Сусанину воздвигнутъ въ 1838 г. повелѣніемъ императора Николая I въ Костромѣ, на площади, названной его именемъ, памятникъ, представляющій изъ себя гранитную колонну, на верху которой поставленъ бронзовый бюстъ царя Михаила Ѳеодоровича, а у подножія находится бронзовое изображеніе молящагося Сусанина. На пьедесталѣ надпись: „Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животъ положившему, благодарное потомство“.

Ипатьевскій монастырь.

Крещеный мурза основатель его
И предокъ онъ былъ Годуновыхъ;
И родъ его долго служилъ на Руси
И въ земскихъ дѣлахъ, и въ дворцовыхъ.
И предокъ онъ также царя одного,
Кто Русью владыкою правилъ,
Чей грѣхъ чуть не ввергнулъ въ погибель ее,
Когда бы Господь не избавилъ.
Опасны Романовы стали ему,
Губилъ онъ и гналъ ихъ нещадно,
Но смерть и позоръ его ждали семью:
Смели и ее безпощадно.
И въ той же обители, смутной порой,
Господняя власть охранила
Отростка Романовыхъ скорбной семьи,
Младого царя Михаила.

Навроцкій.

„Ордынскій мурза Четъ бѣжалъ изъ Орды въ Москву въ 1330 году; дорогою онъ тяжко заболѣлъ и, готовясь къ смерти, увидѣлъ Божію Матерь и Св. Ипатія, обѣщавшаго ему выздоровленіе; выздоровѣвъ, онъ крестился и въ благодарность за исцѣленіе основалъ Ипатьевскій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ ему было видѣніе. Этотъ мурза и былъ родоначальникомъ рода Годуновыхъ и предкомъ царя Бориса. Въ монастырѣ понынѣ существуетъ отдѣльное зданіе „Палата Романовыхъ“, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ съ своей матерью. Когда Кремль былъ очищенъ Пожарскимъ отъ поляковъ, инокиня Марѳа съ сыномъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Романовымъ (насильно удержанные въ Кремлѣ поляками во время осады его ополченіемъ Ляпунова) уѣхали изъ Москвы въ свою костромскую вотчину, село Домнино. Сусанинъ, узнавъ, что поляки хотятъ идти въ Домнино, чтобы убить Михаила, послалъ своего зятя Богдана Сабинина къ Михаилу съ извѣщеніемъ о грозящей ему

опасности и совѣтомъ укрыться въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Михаилъ съ матерью поселились въ Ипатьевскомъ монастырѣ, и сюда 14 марта 1613 г. явились къ Михаилу послы отъ земскаго собора просить его на царство".

Въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Межъ тѣмъ въ обители далекой,
Подъ Костромой, въ лѣсахъ глухихъ,
Другая мать съ тоской глубокой
Молилась... Сынъ при ней
Возросъ въ тиши уединенья,
Какъ голубь чистый подъ крыломъ
Голубки-матери. Вдвоемъ,
Они чуждались блеска міра,
Его ничтожной суеты!
Она отъ жизненнаго пира,
Во цвѣтѣ лѣтъ и красоты,
Была оторвана насильно
И долго мучилась безсильно,
Совсѣмъ одна; но, наконецъ,
Ей отданъ сынъ! Его отецъ
Въ плѣну, въ Литвѣ, томится долго.
Въ годину бурь, въ годину бѣдъ
Слуга отчизны Филаретъ
Не отступалъ на шагъ отъ долга;
„Но къ этой умной головѣ",
Такъ разсуждали всѣ въ Москвѣ,
„Не митра, не клобукъ монаха—
Пристала-бъ шапка Мономаха".
Весь родъ Романовыхъ давно
Народу близокъ былъ; въ одно
Слились теперь воспоминанья
Заслугъ Романовыхъ... Земля
Въ ихъ родѣ выберетъ царя.
И вотъ однажды, съ этой цѣлью,
Къ смиренной инокинѣ въ келью
Явились старцы: „Весь народъ
Челомъ тебѣ и сыну бьетъ!
Благослови его на царство!"
— „Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. на тяжкое мытарство
Я не отдамъ его!.. За честь
Благодаримъ... Другіе есть—

И старше, и разумнѣй Миши...
Пускай полетъ подниметъ выше
Двуглавый царственный орелъ.
Удѣлъ царей земныхъ тяжелъ,
Тяжка и шапка Мономаха!“—
И, вся полна тоски и страха,
Съ горячей, страстною слезой,
Она къ груди своей родной
Прижала сына. Но дорога
Ему намѣчена; обѣтъ
Онъ долженъ дать, исхода нѣтъ:
Народа голосъ—голосъ Бога.

Львова.

„Великое посольство съ рязанскимъ архіепископомъ Ѳеодоритомъ, келаремъ Авраміемъ Палицынымъ и бояриномъ Шереметевымъ во главѣ отправилось въ Кострому въ Ипатьевскій монастырь, чтобы отъ всей русской земли торжественно просить Михаила на царство. Послы земскаго собора, прибывъ въ Кострому, пошли со всѣми костромичами крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ жилъ тогда Михаилъ съ инокиней матерью. Отслуживъ въ монастырѣ молебенъ, посольство прочитало Михаилу и Маѳѣ грамату земскаго собора объ избраніи всей русской землей Михаила на царство. Маѳа сначала не соглашалась отпустить сына на царство. „Его ли юнаго отдамъ вамъ въ цари?—говорила Маѳа. Люди русскіе! вспомните прошедшее: по грѣхамъ нашимъ, всѣ вы измалодушествовались и кому вы прямо служили, отдавая души свои подъ клятвою? Когда судомъ Божіимъ не стало царя Бориса, не вы ли клялись быть вѣрными сыну его и передались вору, разстригѣ, убійцѣ дѣтей Бориса? Когда погубленъ былъ разстрига, не вы ли клялись царю Василію и поѣхали къ тушинскому вору, предали вашего царя, постригли его, отдали врагамъ? И послѣ сихъ прежнимъ государямъ клятвопреступленій, позора, убійствъ, поруганія, какъ сѣсть на царство, зная ваши измѣны, непостоянство, клятвопреступленіе? И что же такое ваше русское царство? Сокровища и села царскія разграблены, разобраны измѣнниками, народъ страждетъ, обѣднѣлъ. Чѣмъ будетъ царь вашъ жаловать служилыхъ людей, обиходы полнить и противъ враговъ стоять? И для того ли благословлю сына моего на царство, чтобы надъ отцомъ его, въ неволѣ польской сущимъ, враги всякое зло сдѣлали? и могу ли я приступить къ тому безъ благословенія отца его?“—„Благослови только, великая инокиня!—возражалъ ей Ѳеодоритъ.—Ты упрекаешь насъ прошедшимъ; но то были грѣхи и наказаніе Божіе за грѣхи наши. Не самъ сынъ твой восхотѣлъ: мы всей русской землей его выбрали. Ты говоришь о Борисѣ, но вспомни, что Борисъ извелъ царскій корень, убилъ Дмитрія

царевича, и разстрига былъ мститель ему за преступленіе его. Когда судомъ Божіимъ погибъ разстрига, царя Василія выбрали немногіе люди, другіе не хотѣли ему служить; сдѣлалась рознь, явилось междоусобство и возникъ злодѣй тушинскій, обольщая народъ на пагубу. Сигизмундъ увлекъ насъ надеждою мира и счастія, сохраненіемъ православія. Мы били челомъ Василію, да оставитъ онъ царство свое для блага русской земли, и онъ добровольно оставилъ царство. Не мы предали его врагамъ: наша ли была тогда воля? Поляки измѣнили свою присягу; измѣнники Михайло Салтыковъ и Ѳедька Андроновъ предали царя злодѣю Жолкѣвскому. И если было при томъ наше участіе, не наказаны ли мы довольно? Всѣ мы каемся, пришли въ соединеніе, хотимъ стать за церковь Божію; всею землею избрали мы сына твоего, хотимъ за него головы класть и кровь лить. Не испытывай судебъ Божіихъ; хоть и погибли Годуновы и Шуйскій: судьбами царей воля Божія дѣйствуетъ; ей ли воспротивиться? Не страшись и за государя нашего митрополита Филарета: мы послали уже въ Польшу и отдаемъ за выкупъ его всѣхъ плѣнныхъ поляковъ". Но тщетны были эти слова: Марѳа и Михаилъ плакали и отрицались. Тогда, какъ будто вдохновенный Богомъ, Ѳеодоритъ взялъ образъ Влади мірскія Богоматери, Авраамій поднялъ образъ московскихъ чудотворцевъ, и они понесли святыя иконы къ мѣсту, гдѣ стоялъ Михаилъ. „Что дѣлаете?—воскликнулъ благочестивый юноша:—зачѣмъ сей подвигъ Божіимъ иконамъ, трудъ вамъ и дѣло выше силъ моихъ!"—„Если вѣришь имъ, говорилъ владыка, указывая на образа, вѣрь, что ихъ, а не нашею волею ты избранъ, и что они дадутъ тебѣ силы царствовать и спасутъ отца твоего! Что человѣкъ и что имъ дѣлается? Волею Бога сіи святыя иконы совершили путь изъ Москвы: преклонись же предъ ними и повинуйся!" Михаилъ бросился къ мѣсту, гдѣ стояла и плакала мать его. Духовенство съ образами приблизилось къ ней; послы, воины, народъ повергшіяся предъ нею на колѣни; сквозь растворенныя двери храма видны были толпы воиновъ и народа, повергшіяся на землю и вопившія о пощадѣ, о согласіи. Матери бросили на землю дѣтей и соединили клики свои съ рыданіями старцевъ и младенцевъ. Уже около шести часовъ продолжалось умилительное зрѣлище. „Такъ вы не внемлете мольбамъ, возгласилъ наконецъ Ѳеодоритъ. Совершилось, да будетъ по-вашему; мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши. Бѣдствуй, русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе, пусть плачетъ снова народъ, опозорятся церкви! Но передъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падаетъ бѣдствіе отчизны. И ты, инокиня благочестивая, ты будешь отвѣчать передъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ! Да настанетъ вновь междоусобіе, да расточится царство московское, да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да прійдутъ и расхитятъ насъ!" Голосъ его казался грознымъ голосомъ Божіимъ. Марѳа повергласъ предъ святыми ико-

нами и изрекла согласіе. Ѳеодоритъ благословилъ избраннаго царя; возложили на Михаила наперсный крестъ, вручили ему царскій посохъ. Онъ сталъ близъ приготовленнаго царскаго мѣста и слушалъ литургію; запѣли благодарственный молебенъ и превозгласили многолѣтіе царю Михаилу".

Славься!

(Хоровая пѣсня).

Славься, славься, нашъ русскій царь,
Господомъ данный намъ царь-государь!
Москва тебя ждетъ и нашъ Кремль святой!
Явися народу, отецъ нашъ родной!

* * *

Славься, славься, нашъ русскій царь,
Господомъ данный намъ царь-государь!
Избранника Божьяго весь народъ
Съ великой любовью и радостью ждетъ.

* * *

Славься, славься, нашъ русскій царь,
Господомъ данный намъ царь-государь!
Да будетъ безсмертенъ твой царскій родъ,
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ!

* * *

Славься, славься, святая Русь!
Празднуй торжественный день царя,
Ликуй, веселися: твой царь грядетъ,
Царя-государя встрѣчаетъ народъ!

* * *

Славься, славься, честная рать!
Ты отстояла престолъ царей!
У царскаго дома идешь принять
Царя-государя, могучая рать!

КРУ "УНБ им. И. Я. Франко"
001000008523

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ЛЬВІВСЬКОЇ ДУХОВНОЇ СЕМІНАРІЇ